

Глава 1 · ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Плюсы и минусы глобализации

Анализ любого процесса в международных отношениях и мировой экономике невозможен без учета наиболее общих закономерностей современного этапа истории человечества. Развитие международных отношений в Евразии происходит в рамках общемировых тенденций, главная из которых заключается в том, что «все в сегодняшнем мире тесно взаимосвязано»¹.

Во взаимосвязях различных типов особое значение придается системам коммуникаций. Диалог народов и цивилизаций невозможен без информационных, культурных, а также финансовых, транспортных и другого рода связей. Традиционные коммуникации в современных условиях требуют значительной модернизации. Новые виды коммуникаций нуждаются в повсеместной поддержке. Именно благодаря развитию коммуникаций национальные границы современных государств становятся все более прозрачными, обеспечивая свободу перемещения информации, людей и товаров. В то же время, коммуникации, проходящие по территории конкретной страны, увеличивают ее значимость в международном сообществе, заставляют соседей, заинтересованных в бесперебойной работе коммуникационных коридоров любого типа, считаться с ее интересами и потребностями.

Процессы международного развития после Второй мировой войны, характеризовавшиеся соперничеством двух полюсов влияния,

¹ См. Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000.

группировавших вокруг себя союзников и осуществлявших патронаж над лояльными странами, привели к беспрецедентному ускорению экономического, политического, социального прогресса. Жесткое соперничество, подгонявшееся идеологическими установками на непереносимое опережение соперников, стимулировало как ускорение интеграции вокруг каждого из противостоящих полюсов влияния, что должно было помочь концентрации всех имеющихся в распоряжении ресурсов, так и поиски наиболее коротких путей к лидерству через использование государственных ресурсов, включая поддержку научных изысканий, космических и военных исследований, разработки новых технологий. Такого рода усилия осуществлялись на фоне объективных процессов общественно-экономического развития, нового этапа научно-технической революции, совершенствования высоких и информационных технологий, перехода к постиндустриальному обществу. Объективно сложившиеся условия, которые развивались в унисон с энергичными субъективными усилиями людей, придали невиданное ускорение общественному развитию. На рубеже 70-х и 80-х гг. XX в. аналитики заговорили о глобальных проблемах человечества, а затем и о глобальной взаимозависимости народов.

Термин «глобализация» по сей день не приобрел однозначного научного толкования. Он служит метафорой, придуманной для выяснения смысла и понимания природы современного общества¹. В последние годы он все чаще вызывает в мире острую научную и политическую дискуссию. Мнения экспертов и политических деятелей по вопросу о движущих силах глобализации, ее природе и последствиях для цивилизации серьезно расходятся. Тем не менее подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что глобализация — «это ключевое понятие, позволяющее уяснить суть перехода человеческого общества в третье тысячелетие»², «наиболее востребованное средство постижения существа преобразований мирового порядка на рубеже XXI в.»³ По определению Международного валютного фонда, глобализация — это всего лишь тенденция «в возрастающей степени интенсивной интеграции как рынков товаров и услуг, так и капиталов»⁴.

¹ Цит. по Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 9.

² Waters, M. Globalization. L., 1995. P. 1.

³ Bell, D. History and Globalisation: Reflections on Temporality. // International Affairs. Vol. 79. No. 4, July 2003. P. 801.

⁴ Kegley CH., Wittkopf E World Politics. Trend and Transition. N.Y., 1999. P. 246.

В более широком смысле, под глобализацией понимают доминирующую после окончания «холодной войны» единую общемировую систему, возникшую в результате взаимодействия национальных экономик и основанную на беспрепятственном перемещении капитала, информационной открытости, быстром технологическом обновлении, на понижении тарифных барьеров и либерализации передвижения товаров и капитала, на коммуникационном сближении, научной революции, межнациональных социальных движениях, интернациональном образовании, а также новых видах транспорта¹. Принципиальное значение при этом отводится применению новых информационных технологий в процессе производства, менеджмента, организации и коммуникаций на уровне корпораций, общества и государства².

Широкое разнообразие мнений и методологических подходов к исследованию феномена глобализации свидетельствует о том, что речь идет о явлении, которое может быть понято лишь при условии комплексного изучения его основных аспектов. С известной долей условности можно выделить некоторые научные позиции по вопросу о природе глобализационных процессов.

Значительное число аналитиков и в России, и за рубежом рассматривают глобализацию прежде всего как экономическое явление на новом этапе интернационализации мирового хозяйства, ориентированное «на форсированную экономическую интеграцию в глобальных масштабах с максимальным использованием научно-технических достижений и свободно-рыночных механизмов, игнорированием сложившихся национальных образований, культурно-цивилизационных и природно-экологических императивов»³.

В западной политической науке глобализация нередко рассматривается с неолиберальных позиций без учета национальных экономических интересов отдельных стран⁴. В последние годы такой подход подвергся критике, поскольку оставил без внимания социальную, политическую, культурологическую составляющие процесса глобализации, без чего оценки и определение перспектив его развития выглядят неполными и ошибочными.

¹ Уткин А. И. Указ. Соч. С. 9.

² Amoore L. Overturning "Globalization". // *New Political Economy*. 1997. No. 2. P. 179.

³ Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации. // МЭиМО. 2002. № 1.

⁴ O'Rourke, R., Williamson, G. *Globalization and History: the Evolution of the 19th-Century Atlantic Economy*. Cambridge, 1999; James, H. *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression*. Cambridge, 2001.

Абсолютизация социально-политических факторов глобализации едва ли не столь же мало продуктивна. Если считать глобализацию только результатом спланированных действий наиболее развитых стран мира, стремящихся к гегемонии во всех сферах международной жизни или выплеснувшихся за национальные рамки социальных процессов, то из поля зрения исследователя будет выведен важнейший аспект объективных предпосылок, которые неотвратимо влияют на развитие рассматриваемого явления. Нельзя не видеть, что высокие технологии и информатизация революционируют современное производство, резко ускоряют темпы его развития, расширяют возможности международной торговли, движения людей и капиталов¹.

В то же время культурно-цивилизационный подход, представители которого на первое место выдвигают культурную глобализацию в ее современных вестернизированных формах, так же далеки от истины, как и экономические детерминисты. Мощная тенденция к унификации цивилизационных ценностей одного образца порождает не менее сильное стремление подчеркнуть национальную самобытность, сохранить национальные культурные и религиозные традиции. По мнению С. Хантингтона, «в мире этнических конфликтов и цивилизационных столкновений западная вера в универсальность западной культуры страдает тремя недугами: она ошибочна; она аморальна; она опасна»².

Для правильного понимания роли глобализации в стимулировании развития систем коммуникации в Евразии и других регионах мира важно осознать, что при всем разнообразии и разнородности происходящего в современном мире роста взаимозависимости, при всей широте воздействия глобальных проблем на человеческое общество, экономические факторы выделяются как наиболее фундаментальные, влекущие за собой социально-политические и прочие последствия. Главным генератором экономической глобализации выступают изменения в характере производительных сил. В свою очередь, на эти изменения влияют научно-технические открытия, своего рода прорывы на новый уровень в области коммуникаций, что позволяет глобализировать финансовые потоки, гибко влиять на международное разделение труда³.

¹ Стратегия для России: 10 лет Совета по внешней и оборонной политике. /Под ред. С. Караганова. М., 2002. С. 789.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. // Pro et Contra. 1997, весна. Т. 2. №2. С. 145.

³ Актуальные вопросы глобализации. // МЭиМО. 1999. №4. С. 49.

Наиболее характерным для современной экономической глобализации является процесс интернационализации хозяйственной жизни, вступивший в этап глобальной взаимозависимости национально-хозяйственных комплексов. Простое и тем более расширенное воспроизводство ВВП ведущих стран мира становится невозможным без активного взаимодействия, взаимопроникновения экономик этих стран друг с другом и со значительным числом других экономических партнеров в «третьем мире» и среди государств с переходной экономикой. «Деятельность международных экономических и финансовых организаций и корпораций образуют ткань глобальной экономики, в которую в большей или меньшей степени вплетаются все без исключения национальные экономики. Любые разрывы этой ткани грозят бедами»¹.

В таких условиях по-новому видится место стран евразийского региона, новая окраска придается Великому шелковому пути как одной из перспективных систем транспортных коммуникаций.

Важной концепцией современного мира является разрешение проблемы единого пространства-времени. Оно возможно только при широком развитии транспорта и средств связи. Новые глобальные системы коммуникации в значительной мере неподконтрольны национальным государствам и легко позволяют отдельно взятому индивиду или группе лиц преодолевать географические барьеры и получать доступ к любой информации, к опыту других народов.

Могучим средством общения и приобщения к знаниям является Интернет. Он представляет собой вполне осязаемое выражение мира, объединяющегося в единое целое. И это лишь начальная стадия грандиозной революции технологий.

Произошла эволюция с далеко идущими последствиями: на смену геополитической установке на расширение жизненного пространства и завоевание новых территорий, доминировавшей многие тысячелетия, пришла геополитическая установка на интенсивный путь развития, на повышение эффективности использования имеющихся человеческих и природных ресурсов.

Сегодня мы видим, в первую очередь на примере великих держав, что главный мотив в их стремлении нарастить свою мощь — не внешняя экспансия, но интенсивное внутреннее развитие. Как следствие,

¹ Богомолов О. Т., Некипелов А. Д. Глобализация и кризис мирового экономического порядка. // Труды Фонда Горбачева. Т. 7. Проблемы глобализации. М., 2001. С. 105.

в промышленно развитой части мира постиндустриальное общество быстро трансформируется в информационное общество.

Перед мировым сообществом встают новые вызовы, связанные с глобализацией. Устойчивость мировой экономики связана во многом с обеспечением балансов интересов. Это касается как поиска оптимального соотношения интересов наиболее развитых стран с интересами большого числа других государств, чей совокупный вес едва ли может соперничать с лидерами глобализации (прежде всего США), так и поиска равновесия на глобальных рынках, где при малейших колебаниях конъюнктуры миллионы инвесторов молниеносно способны начать перемещение капиталов, подвергая опасности экономическую стабильность национальных государств (финансовый кризис 1998 г.).

Еще одной особенностью современного мира является признание идеи, согласно которой гражданин одной страны вправе осуществлять права собственности за ее пределами. Мировой объем прямых зарубежных инвестиций превысил 5 трлн. долл. По данным директора Международного валютного фонда М. Камдессю, за последнюю четверть века объем международной торговли ежегодно возрастал на 5,5%, что вдвое выше роста валового внутреннего продукта. В связи с этим политолог К. С. Гаджиев обращает внимание на тенденцию, ведущую мир в эпоху, где может не быть национальных производств и корпораций¹. Такая идея ставит в трудное положение тех, кто мыслит в национальных терминах. Немалое значение имеют индивидуальные участники игры на мировых рынках или негосударственные, неправительственные объединения. Эффективность их действий на мировой арене порой оказывается намного выше, чем деятельность неповоротливых государственных бюрократических машин (вспомним, например, Сороса).

В связи с кажущейся хрупкостью необходимого баланса, ряд исследователей глобализации указывают на отсутствие гарантий ее необратимости. Приводятся примеры из истории, когда, достигнув высокой степени (например, в начале XX в.), процесс интернационализации хозяйственной жизни под влиянием мировых войн, великой депрессии и т.п. разворачивался вспять.

Известно, что постепенное сближение стран и континентов характеризует всю историю человечества, начиная со времен Марко Поло, кругосветок Магеллана и интегрирующих процессов первой

¹ Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 2003. С. 104.

промышленной революции. Революционные броски вперед на этом направлении были связаны с развитием НТР, переходом ее с этапа на этап.

Впервые можно говорить о всемирном сближении в глобальных масштабах применительно к рубежу XIX—XX вв., когда появились пароходы, паровозы, телеграф, телефон и радио. Мир был поделен на сферы влияния ведущими державами, которые развернули борьбу за доминирование на мировых рынках, за источники сырья и топлива, опираясь на технические достижения и гонку вооружений. Результат оказался плачевным, началась первая в истории мировая война.

В следующий раз заговорили об активном взаимосближении в глобальном масштабе на рубеже 1970-х и 1980-х гг., когда новый этап НТР был ознаменован созданием новейших средств освоения космоса, открытиями в сфере информатики, телекоммуникаций, цифровых технологий, появлением новых поколений авиа- и морской техники, монорельсовых скоростных железных дорог, модернизацией автомобильного транспорта и т.п.

Важнейшей была победа над пространством, покорять которое стало возможно в кратчайшие сроки, что «изменило стандарты жизни людей, концепции национальных границ и традиций международной торговли»¹.

Идея возрождения Великого шелкового пути как дороги, по которой независимые страны Центральной Азии должны войти в мировой рынок, не случайно появилась в последнее десятилетие XX в. По мере завершения XX в. почти третья часть населения планеты стала жить в государствах с либеральным рыночным режимом, а объем внешних инвестиций увеличился в несколько десятков раз². Мировой экспорт стал расти в геометрической прогрессии, закрепляя сложившееся международное разделение труда³.

Несмотря на появление антиглобалистских течений, неравномерность включения в процесс глобализации различных стран, современная тенденция к углублению финансово-экономической взаимозависимости сопровождается глубокой структурной адаптацией народно-хозяйственных комплексов различных стран к потребностям друг друга, позволяет прогнозировать необратимость процесса глобализации на ближайшую перспективу. Вступают в силу и дополнительные факторы. Среди них:

¹ Friedman Th. Understanding Globalization. N.Y., 2000. PP. 9—10.

² Ibidem.

³ Rourke J. Taking Sides. Clashing Views on Controversial Issues in World Politics. Clifford, 2000. P. 78.

расширение числа стран, где внешнеэкономические факторы играют ключевую роль во внутреннем развитии, как, например, в Китае и России; расширение системы рыночно-организованного хозяйства (после начала реформ и дезинтеграции СССР); усиление роли ТНК и финансового капитала в мировой экономике; качественное возрастание роли информационных ресурсов и социального капитала, а также резкое усиление роли политического фактора в развитии глобализации, когда для ведущих держав с ней связываются принципы организации нового мироустройства¹.

При анализе современного этапа глобализации следует особое внимание обратить на то, что международные отношения в Евразии в ближайшем будущем необходимо рассматривать с учетом неравномерности развития отдельных стран региона. Явно упрочивают свои позиции несколько центров глобализации. Среди них традиционные — США Евросоюз и Япония (экономика которой постепенно выходит из глубокого структурного кризиса), а также новые — Китай, страны АСЕАН, Индия.

Все эти центры, как старые, так и быстрорастущие, проявляют непосредственный интерес к развитию отношений со странами Центральной Азии. Проект включения молодых государств в региональную транспортную сеть, имеющую значение для развития глобальных процессов, крайне важен. Углубление глобализации для государств региона открывает долгосрочные перспективы развития Великого шелкового пути. Это актуализирует задачу рассмотрения множества аспектов, с ним связанных, сквозь призму глобальных процессов, что, в свою очередь, позволяет дать квалифицированную оценку роли и значения Великого шелкового пути в современных международных отношениях, в частности, в евразийском регионе.

Вместе с тем необходимо учесть, что, как всякое масштабное явление, глобализация оказывает глубокое воздействие на содержание и динамику проблем современного мира, добавляя к ним новые, порождаемые противоречивым развитием самих глобализационных процессов.

С одной стороны, рост взаимозависимости стран и народов во всех сферах бытия повышает значение сотрудничества государств в целях

¹ Desai, M. Globalization: Neither Ideology Nor Utopia. // Cambridge Review of International Affairs. 2000. V. 14. No. 1. P. 16; Кувалдин В. Б. Новое измерение человеческого бытия. // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 53.

большей управляемости международным развитием, способствует формированию новых политических подходов, нацеленных на создание демократических многосторонних механизмов управления международной системой. С другой — эти процессы не лишены стихийности, в них отсутствует направляющее коллективное воздействие международного сообщества.

Стимулируя беспрецедентное расширение возможностей роста производительных сил, глобализация в силу особенностей функционирования современной мировой экономической системы ограничивает формы реализации этих возможностей. Озабоченность глобальной конкурентоспособностью ограничивает государства в решении проблемы преодоления неравенства, отвлекает их от помощи менее успешным соседям.

Из-за различий в финансово-экономической мощи стран взаимозависимость приобретает асимметричный характер, повышает уязвимость стран, не относящихся к мировым экономическим лидерам, от колебаний политической и финансово-экономической конъюнктуры. Это лишь усиливает расслоение мировой экономики на «центр», «периферию», «зоны роста», «зоны застоя». Разделительные линии начинают все чаще проходить не только между развитыми и развивающимися странами, но и внутри «третьего мира», обостряя конкуренцию и там. Ситуация в Евразии дает нам множество примеров тому. Идет борьба за доли в распределении прямых иностранных инвестиций. Выигрывают более стабильные, а значит и более успешные страны, которые быстро уходят вперед в своем развитии, оставляя позади менее удачливых соседей. Глобализация в таких условиях легко может быть использована в качестве орудия политического давления. На эту особенность нынешнего этапа развития международных отношений указывает подготовленный ООН доклад «Влияние глобализации на социальное развитие». В документе справедливо отмечается, что «обеспокоенность по поводу глобализации отчасти объясняется тем, что на национальную политику того или иного государства все чаще сильное влияние оказывает политика, проводимая за его пределами».

Глобализация провоцирует отсутствие равного доступа к потреблению природных ресурсов, продовольствия, различное отношение стран к своему воздействию на окружающую среду.

Бесконтрольное развитие экономической глобализации усиливает конкуренцию между региональными интеграционными объединениями. По утверждению американского экономиста Р. Гилпина, «движимый как

рыночными силами, так и политикой государств, регионализм стал подпитываться различиями между азиатским, англо-американским и континентальным европейским капитализмом, чему способствует сплочение региональных корпоративных группировок и производственных сетей»¹. Это свидетельствует о возникновении региональных центров силы, оказывающих все большее влияние на международные отношения в целом. В условиях глобализации новые черты приобретают региональные и локальные конфликты, спровоцированные подъемом политического и религиозного экстремизма. В «горячих точках» позиции участников конфронтации приобретают бескомпромиссность. Поскольку это имеет массовый характер, формируются геополитически связанные между собой «пояса нестабильности».

Говоря о перспективах Великого шелкового пути, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что в мировой торговой системе вызревают кризисные черты. Затормаживаются переговоры в рамках нынешнего раунда ВТО. Дegradiруют условия внешней торговли ряда развивающихся стран, не способных противостоять прямым и косвенным ограничениям на экспорт своей продукции через высокие тарифы, массивное субсидирование национальных производителей развитыми странами и завышения цен на высокотехнологичную продукцию, импортируемую с Запада.

Вкупе это означает, что глобализация имеет негативные социальные последствия для значительной части человечества. Грани между внутренними и международными проблемами в условиях прозрачности границ постепенно стираются. Глобальные масштабы приобретает организованная преступность, возрастает угроза международного терроризма.

С усилением воздействия на мировое культурное развитие ценностных и эстетических установок западного (большой частью американского) общества, явственнее становится тенденция сохранения национальных культур и традиций, наращивания «периферийными» государствами средств воздействия на информационные потоки, контроля над национальными средствами массовой информации.

Быстрыми темпами складывается альтернативное глобальное гражданское общество, что стихийно трансформировалось в подъем антиглобалистского движения, рост наднациональной религиозной

¹ Gilpin R. Challenge to Global Capitalism: the World Economy in the 21-st Century. Princeton, 2000. P. 84.

солидарности. Его массовую базу составляют слои населения различных стран, страдающие от последствий глобализации.

Ряд исследователей полагает, что эрозия компетенции современного государства на международной арене в условиях глобализации ведет к сокращению роли традиционного арсенала внешней политики государств, как и значения самих государств как субъектов международных отношений.

Французский социолог Ж.-М.Геенно пишет о «переживаемом в настоящее время кризисе нации-государства как политического института и его неминуемом в будущем уходе с исторической сцены»¹. Другие эксперты не менее категоричны: «мир, в котором главную роль играли государства, сегодня уже ушел в прошлое»². Ставку в новой ситуации эти ученые предлагают делать на использование возможностей, которыми располагают корпорации, союзы предпринимателей, неправительственные организации.

С таким выводом трудно согласиться. Многие государства, включая центральноазиатские, лишь недавно получившие свою независимость, полны энтузиазма и надежд на будущее. Они стремятся максимально полно реализовать преимущества своего нового статуса. Им сопутствует активная поддержка собственного населения, видящего в силе государственных структур надежную, едва ли не единственную защиту от враждебных веяний внешнего мира. Именно государство, его внешнеполитический аппарат остаются главным средством, имеющимся в распоряжении общества для воздействия на ход глобализационных процессов. Такое положение не изменится в обозримом будущем.

Этой точки зрения придерживаются многие исследователи международных отношений, такие как Е. Бажанов, А. Гроссер, М. Элброу, Х. Спруйт, которые отмечают, что хотя государства утрачивают прежнюю монополию в сфере международных отношений, они по-прежнему остаются ключевыми игроками на этом поле. Межгосударственные отношения по-прежнему составляют основу всей усложнившейся системы мировых связей³.

¹ Guehenno J.-M. The End of the Nation. // Космополис. Альманах. М., 1997. С. 112–119.

² Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... (Шансы и риск глобализации в России). // Pro et Contra. 1999, осень. Том. 4. № 4. С. 69.

³ Бажанов Е. П. Современный мир. М., 2004. С. 8–31; Бажанов Е. П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 1. М., 2001. С. 11–48.; Grosser A. Preface: au-dela des evenements-Yn: Les politiques e'trangeres. Ruptures et continuites. Sous la

Оптимистически оценивают перспективы государства ряд исследователей, которые приводят аргументы в пользу того, что глобализация стимулирует развитие государств, усложняя их функции, в том числе на международной арене. Так, Р.Робертсон считает развитие национальных государств «одним из аспектов глобализации»¹. При этом сами национальные государства трактуются как фактор однородности мира, элементы политического и экономического сотрудничества. «Распространение самой идеи национального сообщества как формы социальной институализации, выступает ядром ускоренной глобализации, которая началась несколько сот лет назад»².

В то же время нельзя не признать, что глобализация ведет к глубоким изменениям приоритетов курса государств на мировой арене, заставляет государственных деятелей по-новому взглянуть на арсенал внешнеполитических средств, способствует эволюции методов дипломатии.

Факторы, облегчающие или, напротив, затрудняющие доступ государств к благам глобализации, все активнее включаются в арсенал их внешней политики. Для молодых государств Центральной Азии важно учитывать, что на внешней политике влиятельных и крупных держав, а также соседних государств сказываются как позитивные моменты глобализации, так и ее негативные следствия, что ведет к неоднозначным, а порой — и небезопасным для окружающих изменениям во внешнеполитическом арсенале многих стран. Возродить свой собственный национальный стиль внешней политики центральноазиатским государствам пришлось в непростых условиях глобализации. Это должно заставить их быть особенно осторожными и открытыми к изучению чужого опыта.

С одной стороны, осознание реалий взаимозависимости подводит руководство этих стран к выводу о приоритетности отношений долговременного партнерства на международной арене, рассмотрения спорных проблем в более широком контексте отношений, где доминируют

dir de F.Charillon. Paris, 2001. P.10; Albrow M. The Global Age. State and Society beyond Modernity. Stanford (Ca.), 1997; Spruyt H. The Sovereign State and its Competitors. An Analysis of Systems Change. Princeton, 1994.

¹ Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept. // Featherstone M. (ed).Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity. London, 1990. P. 26.

² Op.cit. P. 58.

общие интересы. Однако стоит быть предельно внимательными и к настроениям лидеров мировой экономики.

Все теоретики взаимозависимости настаивают, что «государствам, готовым совместно взять на себя роль «коллективного лидера» взаимозависимого мира, следует исходить из того, что процесс координации их действий на международной арене будет практически непрерывным и неограниченным по времени. Это поднимает важность поддержания конструктивной атмосферы в отношениях с другими крупными участниками международной системы — государствами, международными организациями и движениями¹.

Наиболее ярким примером такого типа взаимоотношений является Европейский Союз. Аналогичная тенденция к формированию отношений взаимозависимости (конечно, проявляющаяся в разной степени в различных сферах взаимоотношений) постепенно утверждается в деятельности и многих других международных структур и институтов — СНГ, АСЕАН, АТЭС, «группы восьми».

С другой стороны, неравенство в положении государств в формирующейся системе взаимозависимости увеличивает для сильнейших из них соблазн монополизировать рычаги управления глобализацией с тем, чтобы извлечь из этого процесса максимальную выгоду для себя и своих ближайших партнеров. Эта двойственная природа процессов современной глобализации ведет и к противоречивости действий многих государств, не всегда приемлемому для других выбору ими средств и методов внешней политики.

Все это вкупе усиливает значение многосторонней дипломатии и роль начавших, было, терять в последние десятилетия XX в. реальный вес международных организаций. Они выступают как инструменты решения комплексных политических, экономических и глобальных проблем, порождаемых глобализацией.

В международной деятельности практически всех стран мира растет удельный вес «экономической дипломатии» и ее многочисленных специализированных направлений. Для государств евразийского региона особенно важно отслеживать быстрый процесс развития региональной интеграции.

Бурное развитие интеграционной дипломатии, нацеленной на создание и развитие структур регионального экономического и политического

¹ Nye J., Keohane R. Power and Interdependence. Boston — Toronto, 1977. PP. 234—235.

сотрудничества, может быть использовано центральноазиатскими государствами наилучшим образом.

Не менее важное значение для этих государств в современных условиях имеет учет того факта, что растет внимание мирового сообщества к нуждам стран «третьего мира». Это стимулирует формирование нового самостоятельного направления дипломатической деятельности — «дипломатии развития», задачей которой является организация масштабного международного содействия решению острых социально-экономических проблем стран «Юга».

В то же время развивается явная тенденция к политизации проблем международных торгово-экономических и финансовых отношений. Международно-правовое регулирование таких проблем, в силу их комплексного характера, все чаще требует вмешательства государств. В итоге международная дипломатия сегодня подключается к решению вопросов, казалось бы, таких весьма далеких от «классического» круга проблем мировой политики, как, например, международный контроль за качеством окружающей среды, обеспечение продовольственной безопасности, соблюдение правил международного финансового сотрудничества или осуществление защиты прав интеллектуальной собственности.

В значительной степени это относится к «инвестиционно-кредитной дипломатии». Ее применение основано на резком возрастании роли прямых иностранных инвестиций в развитии практически всех государств мира. В настоящее время объем прямых иностранных инвестиций значительно превышает объем мирового экспорта, а их доля в валовом внутреннем продукте мира увеличивается темпами, которые в два раза превышают темпы роста доли внешней торговли в ВВП. Как отмечают эксперты ООН, «обещание выделить прямые иностранные инвестиции и угроза такие инвестиции не предоставлять оказывают значительное воздействие на правительства в плане выбора ими варианта политики».

Глобализация мировой экономики с этой точки зрения объективно поддерживает равновесие; она и возможна только в условиях равновесия.

Таким образом, очевидно, что глобализация представляет собой процесс развития отношений комплексной взаимозависимости между государствами, обществами и национальными экономиками в масштабе всей планеты. Для понимания сущности международных отношений, складывающихся сегодня в Центральноазиатском регионе, важно видеть их неразрывную связь с общей глобализацией.

Становление нового мировосприятия, отражающего растущее единство мира, происходит в условиях настойчивого поиска всеми участниками международных отношений способов разрешения противоречий глобализационного процесса, составляющих цельную систему и требующих коллективных усилий.

Глобализация, имея множество незаметных рифов и препятствий для неопытных развивающихся государств, готовых во всем положиться на волю лидирующих держав, задающих темпы и направления общего поступательного движения, может оказаться весьма сложным испытанием. Однако внимательное наблюдение за происходящими в мире процессами, готовность как к сотрудничеству, так и к твердому отстаиванию своих интересов, могут открыть перед молодыми центральноазиатскими государствами, наследниками древних цивилизаций и культур, сыгравших важную роль в мировой истории, благоприятные перспективы.

Взаимосвязь мира или коммуникационное единство?

На рубеже 80-х и 90-х годов XX в. аналитики заговорили об изменении архитектуры международных отношений. После дезинтеграции биполярного миропорядка возникали очертания монополярного мира с одним доминирующим государством — Соединенными Штатами Америки.

Действительно, валовой внутренний продукт, а особенно военная мощь США, сегодня намного превосходят аналогичные показатели других государств, входящих в мировое сообщество. Ближайший конкурент США по валовому внутреннему продукту — Япония отстает от них почти вдвое (5,8 трлн. долл. против 11 трлн. долл. в 2003 г.). Россия отстает от Америки по валовому внутреннему продукту почти в 8 раз и на нужды обороны тратит в 10 раз меньше. Сопоставим с Соединенными Штатами Америки по валовому внутреннему продукту Европейский Союз. В политическом плане его члены пока самостоятельны: уже есть общеевропейский парламент, но нет общеевропейского лидера.

Доминирование одного государства возродило к жизни, казалось бы, забытые термины геополитики. Чем более мощными выглядят позиции США в мире, тем сильнее тенденции к антиамериканизму, несогласие

со сложившимся положением. Гегемония США не нравится Китаю и России, Японии и мусульманскому миру. Не по душе она даже близким союзникам Америки — Франции и Германии, да и Объединенной Европе в целом. Но многополярный мир, за который ратует Россия, еще должен созреть, ему предстоит утвердить себя на мировой арене. На вторую роль в нем уже сегодня претендует динамично развивающийся Китай; многие полагают, что Китаю по плечу ведущая роль в мире во второй половине XXI столетия. Экономический гигант и один из ведущих творцов новейших технологий — Япония на вторую роль все-таки не тянет, ибо не обладает для этого необходимой военной силой.

В прошлые века, когда в кабинетах ученых рождался термин «геополитика», государства в отстаивании своих интересов уповали на силу. Какими бы талантливыми ни были дипломаты, гарантом всех договоров и соглашений оставалась армия.

Соперничество народов, созидających единую общечеловеческую техническую и социальную цивилизацию, продолжается. Оно все реже принимает формы военного противостояния и не обостряется, а затухает во времени, нейтрализуемое идеями сотрудничества. В новых условиях существенно меняется содержание понятия силы в международных отношениях. Раньше решающим фактором в формировании структуры международных отношений было распределение военной силы («центросиловые отношения»).

На смену отношениям между государствами, построенным в основном на соображениях военной безопасности и оценке военного соотношения сил, все больше приходят отношения комплексной взаимозависимости¹. Суть этого нового типа взаимоотношений составляют как возросшая уязвимость участников международной системы от действий друг друга (негативная взаимозависимость), так и большая, чем прежде, зависимость достижения целей одной стороны от учета ею интересов других партнеров (позитивная взаимозависимость).

В новых исторических условиях тенденция к сокращению возможностей прямого применения военной силы повышает значение ресурсов

¹ Концепция взаимозависимости была разработана в первой половине 70-х гг. в основном американскими исследователями Дж. Наем, Р. Кейханом, З. Бжезинским, Л. Брауном, Ч. Киндлебергером. См. Brown I. *World Without Borders: The Interdependence of Nations*. N.Y., 1972; Bzhezinski Z. *America's Role in the Technotronic Era*. N.Y., 1974; Nye J., Keohane R. *Power and Interdependence*. Boston—Toronto, 1977; Kindleberger Ch. *American Business Abroad*. New Haven, 1969.

влияния, то есть способностей управлять невоенными средствами развития международной системы, основанной на отношениях взаимозависимости. При сохранении значительной роли военно-силового компонента усиливают свой вес экономические, финансовые, интеллектуальные, информационные ресурсы воздействия на партнеров и оппонентов.

Во второй половине XX в. выкристаллизовалась и стала все более громко заявлять о себе новая сила, преобразующая лицо мира, — транснациональные корпорации. Эти производственные гиганты представляют только развитые, богатые страны, совсем не обязательно сильные в военном отношении. Так, многие из них представляют японский и немецкий капитал (военные бюджеты этих стран несопоставимы с американским). Транснациональные корпорации с их огромной финансовой и технологической мощью действуют как в развитых, так и в развивающихся странах.

Соперничество не исключает сотрудничество в отдельных сферах. Бизнес в условиях глобальной экономической системы превращается в главного проводника идей сотрудничества. Он наиболее заинтересован в формировании единого экономического пространства, открытого для свободного обращения товаров и капиталов. Национальные правительства, особенно в молодых развивающихся странах, в обмен на инвестиции, предоставляемые крупным иностранным бизнесом, готовы принять стандарты, не всегда соответствующие национальной традиции. Иначе им не развернуться, не поднять национальную экономику на уровень современных стандартов.

Закрепляясь в странах третьего мира, где они почти всегда желанные гости, транснациональные корпорации вполне мирными средствами добиваются примерно того же, чего в прежние времена государства добивались только силой оружия, — доминирования в экономике этих стран и определяющего влияния на их политику. Они взрастили и претворяют в жизнь идеи глобализации, как нельзя лучше отвечающие их интересам.

Высокими темпами идет создание единого мирового экономического пространства. Здесь пример задает Европейский Союз. Но и ему потребовалось более полувека, чтобы от локальных соглашений, предоставляющих соседям статус наибольшего благоприятствования в торговле (Европейское объединение угля и стали и другие), прийти к созданию единых руководящих органов континента — Европарламента и его институтов. Объединенная Европа с единой валютой и про-

зрачными границами внутри Союза — прообраз того, к чему сегодня естественно стремится и завтра непременно придет большинство человечества.

Первым увязал развитие истории с развитием цивилизаций россиянин Н. Я. Данилевский, автор знаменитой книги «Россия и Европа», вышедшей в свет в 1868 г.¹ Согласно его теории, главными действующими лицами на арене истории являются не государства и отдельные народы, а культурно-религиозные общности, названные им «культурно-историческими типами» (впоследствии политологи закрепят за ними термин «цивилизация»).

В последующие годы цивилизационная теория получила развитие в трудах немецкого философа О. Шпенглера, русского философа К. Н. Леонтьева, видных евразийцев П. Н. Савицкого, Л. Н. Гумилева. Наиболее глубоко ее обосновал английский историк Арнольд Тойнби в многотомном труде «Постижение истории»². Он подробно классифицировал цивилизации, сформулировал свою теорию их развития, назвав ее «Вызовы и ответы».

Среди современных геополитиков следует выделить профессора Гарвардского университета Сэмюэля Хантингтона, издавшего в 1993 г. фундаментальный труд «Столкновение цивилизаций»³. Он весьма аргументировано доказывает, что в XXI в. основными источниками конфликтов будут не экономика и не идеология, а различия между цивилизациями. По его мнению, столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики.

Составной частью геополитики являются военно-стратегические теории. В этих теориях нетрудно проследить влияние выдающихся стратегов прошлого Макиавелли, Клаузевица, Мольтке. Но наиболее заметный след здесь оставили два адмирала — англичанин Филипп Коломб и американец Альфред Мэхэн. Последний в 1890 г. опубликовал исследование «Влияние морской силы на историю»⁴, а Коломб в 1891 г. издал книгу «Ведение боевых действий на море»⁵.

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — Репринтное издание. С.-Пб., 1995.

² Тойнби А. Дж. Постижение истории. Перевод с англ. — М., 1991.

³ Huntington S. Clash of Civilisations. // Foreign Affairs. 1993, Summer. — PP. 22–49.

⁴ Мэхэн А. Влияние морской силы на историю (1660–1783). М.-Л., 1941.

⁵ Colomb Ph. H. Naval Warfare, Its Ruling Principles and Practice Historically Treated. Boston, 1990.

Мэхэн ввел в политическую науку понятие «прибрежная нация» и подробно исследовал, как близость моря (океана) и изрезанность береговой линии влияли на историю прибрежных народов. Он же выделил между 30 и 40 параллелями особую зону, назвав ее зоной конфликтов. В этой зоне неизбежно, независимо от воли конкретных политиков, сталкивались интересы морской империи, контролирующей океаны, и могучей сухопутной державы, опирающейся на срединные просторы Евразии. В морской империи не трудно узнать Великобританию, в сухопутной державе, ей противостоящей, — Россию.

Для того, чтобы победить в таком противостоянии, морской империи было необходимо отбросить континентальную державу как можно дальше в глубь Евразии. Англия и пыталась это сделать — до тех пор, пока перед ней не возник более могучий и более алчный противник, посягающий на ее интересы во всем мире, — Германская империя.

В начале XX в. весомый вклад в развитие геополитики как науки внесли немецкий политолог Карл Хаусхофер¹ и английский географ Халфорд Макиндер². Они оба видели мир в состоянии постоянной нестабильности. Мир представлял для них арену борьбы двух ведущих политических элементов — морской и континентальной сил.

Макиндер разработал теорию «географической оси истории», которая быстро его прославила. Он разделил мир на три части — на осевой регион, страны внутреннего полумесяца и страны внешнего полумесяца. Под термином «осевой регион» были обозначены срединные просторы Евразии, занимаемые в основном Россией. Большой внутренний полумесяц образуют Германия, Австро-Венгрия (гражданская война произошла в 1904 г.), Турция, Индия и Китай. К внешнему полумесяцу Макиндер отнес Британию, Южную Африку, Австралию, Соединенные Штаты, Канаду и Японию. Внутренний, или осевой регион Евразии Макиндер назвал сердцем мира, борьба за которое решает судьбу мира.

Впоследствии американский геополитик Николас Спикмен оспорил теорию Макиндера относительно осевого региона, заявив, что центральное место в этой оси занимает не Россия, но Америка (США); она же, соответственно, занимает и центральное положение в мире благодаря господству на двух океанах, Атлантическом и Тихом³.

¹ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001.

² Mackinder H. Geographical Pivot of History. // Geographical Journal. — 1904.

³ Spykman N. America's Strategy in World Politics. N.Y., 1942.

Итак, несомненным является влияние географии на политику, но важно понять, является ли оно приоритетным в экономическом и социальном развитии. Первая роль здесь все-таки принадлежит созидательной энергии народа, его ростовой силе; там, где она невелика, слабо, а то и вовсе отсутствует продвижение вперед. Эта особенность, конечно, не ушла от внимания ученых. При совместном исследовании внешних (географических) и внутренних (исторических и социальных) факторов получают результаты, которые выдерживают самую строгую критику. Ибо государство, как определил немецкий географ Фридрих Ратцель, автор «Политической географии», увидевшей свет в 1897 г., есть живой организм, соединяющий свойства народа и земли, на которой этот народ проживает¹.

Современные политологи, и в первую очередь француз Пьер Галуа, автор фундаментального сочинения «Геополитика: истоки могущества», расширили число элементов современной геополитики. К ним отнесено, помимо географического положения, ландшафта, климата, численности населения, наличия транспортных артерий, еще и обладание оружием массового поражения, которое сводит на нет преимущества или недостатки всех географических и демографических факторов. Новым элементом современной геополитики П. Галуа считает также массовизацию общества, включения феномена массового поведения людей².

Из самых последних геополитических теорий следует выделить мондиалистскую и многополярную модели разделения мира. Мондиалистская модель предполагает деление планеты на господствующий цивилизационный центр высокоорганизованного пространства (Западный мир), технологическую зону, обеспечивающую сырьевые потребности «золотого миллиарда» (Восточная Европа, страны СНГ, Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия без Японии, Южная Америка), и нищую периферию, бесполезную, с точки зрения обеспечения интересов Запада, (большая часть Африки). Многополярная модель предлагает считать мир многополюсным. Автор этой модели американец С. Коэн видит идеал мирового порядка в динамическом равновесии³.

Взаимосвязи между народами и странами в третьем тысячелетии в условиях глобализации не стали проще, переплетения национальных

¹ Ratzel F. Politische Geographie. // "Einleitung", 1887.

² Gallois P. M. Geopolitique. Les voies de la puissance. Paris, 1990.

³ Cohen S. B. Geography and Politics in a Divided World. N. Y., 1963.

и наднациональных начал по-прежнему полны противоречий. Миру теперь угрожает не военное противостояние двух блоков, один из которых самораспутился, а международный терроризм, указывающий мировому сообществу на ужасающую пропасть между богатыми развитыми странами и третьим миром, живущим за чертой бедности и страдающим от политики развитых стран, в первую очередь США. Выяснилось, что от ударов международных террористических организаций не застраховано ни одно государство. Их почувствовали США, Турция, Испания, Россия, Узбекистан.

Борьба с международным терроризмом активизировалась. Но еще предстоит совместными усилиями выработать такие концепции борьбы с этим врагом мирового порядка номер один, такие методы идеологического противостояния ему, которые лишили бы его всякой питательной среды, всякой поддержки.

Глобализация способствует стиранию грани между внутренней и внешней политикой государств в силу все большей интернационализации энергетической, научно-технической, транспортной, социальной, экологической политики. В этих условиях возрастает значимость «внутренней дипломатии» — взаимодействия внешнеполитических ведомств с другими структурами исполнительной власти, гражданским обществом, законодательными органами. По мере роста роли гражданского общества как участника и одновременно объекта глобализации усиливается роль публичной дипломатии, призванной вести диалог с неправительственными организациями, средствами массовой информации. В этой сфере все больше дает себя знать стремление ряда государств к одностороннему использованию новых возможностей публичной дипломатии, открываемых глобализацией. Доминирование в глобальном информационном пространстве становится важным ресурсом внешней политики. При этом целью является не только позитивный образ собственной страны и ее правительства в глазах зарубежной общественности, но и преднамеренное (порой недобросовестное) искажение образов других государств или народов. Для достижения желаемых результатов активно используются не только оплаченные кампании в СМИ, но и возможности современных информационных технологий, позволяющие разворачивать настоящие анонимные пропагандистские операции.

Комбинирование экономических стимулов и санкций с информационным давлением открывает дорогу применению «политической

инженерии»¹. Суть ее сводится к тому, что вместо поиска взаимоприемлемых компромиссов за столом переговоров дипломаты наиболее развитых государств порой занимаются «конструированием» позиции страны-партнера, чтобы добиться готовности принять любые предъявляемые требования, согласиться на любые условия.

В ход идет изменение состава правительств, перекройка национально-территориального деления государств и даже их конституционного устройства. Подобная практика представляет собой завуалированное вмешательство во внутренние дела других государств, особенно ослабленных внутренними и международными войнами.

Тенденцию к некоторому уменьшению роли военной силы в международных отношениях нельзя считать необратимым или повсеместным процессом. Ни о каком исключении из арсенала внешней политики государств угрозы применения вооруженных сил и невоенных средств насилия пока не может быть и речи. Это подтверждается сохранением целого ряда очагов военной напряженности, продолжением региональной гонки вооружений (Южная Азия, Корейский полуостров), активным применением разного рода санкций и силовой дипломатии Соединенными Штатами Америки против стран, причисленных к «оси зла»². Более того, в последнее время в руководящих кругах стран НАТО наблюдаются стремление возродить примат силы во внешней политике³.

Подобное «перевооружение» внешнеполитического арсенала крупнейших военных держав мира не может не вызывать тревогу у менее защищенных членов международного сообщества. Вполне вероятным следствием такого курса может стать стремление большого числа стран «третьего мира» обезопасить себя от возможных ударов со стороны США за счет приобретения оружия массового уничтожения. Кроме того, продвижение США доктрины упреждающих ударов по «государствам, поддерживающим терроризм», может быть воспринято другими странами, которые действительно сталкиваются с серьезной угрозой трансграничного терроризма. Распространение подобных подходов может привести лишь к развалу всей системы международного права, что, в конечном счете, бумерангом ударит по интересам

¹ Иванов И. С. На пути к созданию системы противодействия современным угрозам и вызовам. // Дипломатический ежегодник. 2002. М., 2003. С. 11–18.

² The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html>.

³ См.: Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.

инициаторов возрождения военно-силовых методов решения политических проблем.

Для государств Центральной Азии, определяющих собственное место в системе мировой политики, очевидно, что углубление взаимозависимости в международной сфере требует особенно ответственного подхода к выбору средств и методов проведения внешней политики, которая, в конечном счете, должна способствовать поиску совместных решений крупных международных проблем, формированию новой, отвечающей интересам большинства человечества модели глобализации.

Все черты, характерные для современных международных отношений, в той или иной степени проявляются на региональном уровне, который, несмотря на всю свою специфичность, является лишь частным отражением общего развития. Для того, чтобы оценить состояние современных международных отношений в Евразии, имеющих свои особенности и стремительно трансформирующихся, важно обратить внимание на региональные структуры международного сотрудничества, являющиеся важным элементом мироустройства в эпоху глобализации.

По убеждению многих экспертов в сфере международной политики, региональные организации и интеграционные объединения являются неотъемлемой частью системы демократического стабильного мироустройства. В последние годы развитие процессов регионализации привлекает пристальное внимание специалистов как одна из важнейших мировых тенденций, являющихся оборотной стороной феномена глобализации, а в чем-то и противостоящих ему. Российский исследователь В. В. Михеев полагает, что «глобализации мировой экономики противостоит регионализм, который означает взаимозависимость стран и выход интересов хозяйственных субъектов за национальные границы, однако ограничивает сферу действия этих тенденций региональными рамками»¹. Заслуживает поддержки также мнение Т. В. Зоной, отмечающей «повышение роли регионов в архитектонике мировой политики, в развитии интеграционных процессов и международном сотрудничестве, что прежде тормозилось жестким противостоянием двух систем»².

¹ Михеев В. В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция. // Восток—Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002. С. 66.

² Зона Т. В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М., 2003. С. 235.

Составной частью совместных усилий по формированию нового мироустройства, естественным ответом на вызовы глобализации считают региональную интеграцию многие политики как в Азии, так и в Европе, где это явление получило наиболее четкое выражение. Президент Франции Ж. Ширак заметил, что «отвечая на процесс глобализации, большинство государств выбирает путь взаимного объединения на региональном уровне, чтобы остаться хозяевами своей судьбы»¹.

Для квалификации международных отношений в Центральной Азии важно определение особенностей современного регионализма, характерных для всех частей мира. Региональные факторы влияли на развитие международных отношений и в прошлом, но на рубеже XXI в. они приобрели качественно новое измерение. Современный регионализм отличается возросшим уровнем экономической интеграции, что имеет тенденцию к превращению отдельных регионов (Европа, Северная Америка, Юго-Восточная Азия и др.) в единые народно-хозяйственные комплексы.

Возобладал принцип «открытого регионализма», когда предпочтение отдается не самоизоляции, а включению в глобальную экономику. Региональные интеграционные объединения, такие как Европейский Союз, АСЕАН стремятся найти общие подходы к международным вопросам, а в случае ЕС — выработать единую внешнюю и оборонную политику. Определенная «политизация» просматривается даже в деятельности таких структур, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), которая изначально задумывалась как сугубо экономическая. Все это дает основания говорить об общей тенденции к повышению роли региональных интеграционных объединений как влиятельных субъектов не только глобальной экономики, но и мировой политики.

Выступая в качестве мощного фактора сближения государств и повышения их взаимозависимости, региональные структуры объективно способствуют предотвращению конфликтов и нередко вносят непосредственный вклад в их урегулирование. Стабилизирующая роль региональных структур особенно актуальна в современных условиях, когда большинство конфликтов и войн возникает на внутригосударственном

¹ Chirac J. La France dans un monde multipolaire. // Politique Etrangere. 1999. No. 4. P. 85.

или региональном уровне на почве противоречий, вызванных агрессивным национализмом и сепаратизмом¹.

Для евразийского сотрудничества благотворной оказалась роль СНГ, особенно на первом этапе своего существования, до нарастания центробежных тенденций, когда ему удалось удержать процессы на постсоветском пространстве от приобретения хаотичного или насильственного характера, от трагических последствий, подобных событиям в СФРЮ. На пространстве Содружества сложилось несколько межгосударственных объединений, различающихся по целям и составу участников.

Так, для формирования Таможенного союза и единого экономического пространства было образовано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), созданное в 2000 г. Белоруссией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном². В мае 2002 г. статус наблюдателя в нем получили Молдавия и Украина, позднее — Армения.

Для консолидации усилий, направленных на противодействие современным угрозам и вызовам национальной безопасности государств СНГ, уделяется внимание совместной борьбе с терроризмом, экстремизмом и организованной преступностью. На Минском саммите СНГ в декабре 2000 г. был создан Антитеррористический центр (АТЦ), что позволило координировать действия против международного терроризма³. В июле 2002 г. в Бишкеке было открыто отделение АТЦ по Центральноазиатскому региону.

В регионе Евразии активно действуют организации единой Европы, Средиземноморья, Черноморского региона. Все они высоко оценивают региональный потенциал государств Центральной Азии и Кавказа. Но особые надежды сами региональные державы возлагают на сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где широко развернулись интеграционные процессы⁴.

В Азии сегодня проживает половина человечества, там сосредоточены мощные центры мирового экономического и технологического

¹ См.: Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М., 1997.

² Вардомский Л. Б. Проблемы и перспективы регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. // Европейский Союз и европейские страны СНГ. / Под ред. М. М. Наринского. М., 2002. С.94–107.

³ Хакимов Б. Коллективная безопасность в СНГ. // Международная жизнь. 2001, № 7.

⁴ Восток–Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. / Под ред А. Д. Воскресенского. М., 2002.

развития, накоплены самые крупные в мире финансовые ресурсы. Глобализация усилила хозяйственную взаимосвязь стран региона, создала предпосылки формирования качественно новой системы региональных экономических отношений. Одновременно Азия сегодня — зона повышенной опасности. Расположенные там страны первыми столкнулись с новыми вызовами и угрозами, противостоять которым можно лишь на коллективной основе. Как следствие, в Азии развернулись беспрецедентные в ее истории интеграционные процессы как на двусторонней, так и на многосторонней основе, сопровождающиеся поиском механизмов обеспечения безопасности и сохранения мира¹.

Молодые государства Центральной Азии оказались в сложных условиях поиска оптимального баланса между национальными интересами и планами всех заинтересованных крупных иностранных игроков. Помогает то, что неоднородность региона в политическом, экономическом и культурно-историческом плане предопределила развитие в нем многополярных международных отношений с различными уравнивающими друг друга центрами силы², что создает возможность для маневра.

Центральноазиатские державы принимают участие или внимательно наблюдают за работой таких интеграционных структур региона, как ШОС, форум АТЭС, Асеановский региональный форум (АРФ), механизм регулярных встреч «Азия—Европа» (АСЕМ) и др.³

Для Центральной Азии особенно важны традиции добрососедства, насчитывающие не одно столетие. В современную эпоху не остаются без внимания двусторонние отношения, которые служат фактором международной стабильности. Нарастание общих для всех государств угроз и вызовов в корне меняют традиционные представления о балансе сил между крупнейшими державами. Сходство стратегических интересов постепенно оттесняет на задний план соперничество и борьбу за влияние. Само понятие «сферы влияния» в условиях глобализации во многом становится анахронизмом. Постепенно стирается грань между собственно двусторонним и многосторонним форматом. Так, в отношениях между крупнейшими государствами двусторонние контакты все более тесно переплетаются с взаимодействием в рамках различных

¹ См.: Проблемы обеспечения безопасности в АТР. М., 1999.

² See on: Asia-Pacific in the New World Order. / Ed. by A. McGrew, C. Brook. London, 2000.

³ Малетин Н. П. АСЕАН: три десятилетия (1967—1997 гг.) — три политики. М., 1997; Иванов А. Ядро интеграции в АТР. // Международная жизнь. 2003. №2. С. 46.

международных структур. Приоритетный характер носят двусторонние отношения в рамках СНГ, члены которого имеют разную степень мотивации и готовности к развитию интеграционных процессов.

Каждая из стран Центральной Азии в своем формате взаимодействует с Россией в рамках СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС. Политический диалог между Россией и центральноазиатскими государствами, в том числе на высшем уровне, сохранил свою динамику. То же самое относится и к проработке различных проектов сотрудничества России с центральноазиатскими экспортерами энергоресурсов, прежде всего газа, включая их совместную транспортировку и сбыт на европейском рынке. На торгово-экономических отношениях России с отдельными государствами региона сказывается неодинаковый уровень рыночного реформирования экономик стран Центральной Азии, проводимый партнерами курс на диверсификацию внешнеэкономических связей и привлечение западных инвесторов, а также различная степень вовлеченности в сотрудничество с этими государствами российского частного бизнеса.

Интересы России, прежде здесь преваляровавшие безоговорочно, теперь соперничают с интересами Китая, США, Японии, Ирана, Турции, мусульманского мира в целом и берут верх над ними далеко не всегда. Традиция наибольшего благоприятствования России четко прослеживается лишь в ее отношениях с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном.

Узбекистан же и Туркменистан в отношениях с Россией настаивают на полном равенстве — и, как правило, его добиваются. Экономические связи, традиционно ориентированные на Россию, теперь также становятся более многообразными. Роль Китая, Японии, Южной Кореи, Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза, Турции, Ирана в экономической жизни региона растет.

Все страны Центральной Азии являются не только членами Содружества Независимых Государств (СНГ), но и входят в Организацию центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), в Организацию экономического сотрудничества (совместно с Ираном, Пакистаном и Турцией), участвуют в программе НАТО «Партнерство во имя мира», в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом. Четыре из них, исключая Туркменистан, а также Россия и Китай являются членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая имеет не только антитеррористическую направленность, но

инициирует взаимодействие и сотрудничество по самому широкому кругу вопросов, включая создание совместных предприятий в сфере транспорта, энергетики, добычи полезных ископаемых¹. Так, после многих лет простоя вновь начинается возведение гидроэлектростанций (совместно с РАО ЕС) на реках Нарын и Вахш; их энергия будет экспортироваться на север, в Казахстан и Россию, и на юг, в Пакистан.

Активное участие в столь разных международных организациях — не дань моде, а прежде всего забота об укреплении собственной безопасности, о быстром и наиболее безболезненном переводе экономики на рыночные рельсы.

Поворот экономики стран Центральной Азии к рынку произошел отнюдь не по команде «все вдруг». Страны избрали разные варианты перехода. Тяжелейший урон народному хозяйству Таджикистана, как и его международному престижу, нанесла гражданская война, она отбросила его далеко назад. Поэтапность, мягкость перехода к рынку избрали Узбекистан и Туркменистан. Преодолевал трудный период «шоковой терапии» Казахстан.

Международное сообщество вспомнило о Великом шелковом пути, караванные маршруты которого некогда проходили по просторам Центральной Азии, соединяя Китай с Европой. Началось быстрое возрождение этого пути. В рамках возрождения китайские железные дороги соединились с казахстанскими, а туркменские — с иранскими. Но формирование крупного грузопотока, сопоставимого с объемами грузов, идущих через Россию, на восстанавливаемых маршрутах Великого шелкового пути только начинается. Для этого железные дороги Китая, Центральной Азии, Южного Кавказа, Ирана и Турции должны стать единой транспортной системой, а транспортное, пограничное и таможенное законодательство стран, осуществляющих транзит, максимально сблизиться. Эти маршруты должны стать привлекательными для грузоотправителя по срокам и по цене. Работа в этом направлении предстоит очень большая. Ибо к наибольшему благоприятствованию для грузоотправителей (имеются в виду грузоотправители европейские, китайские, корейские и японские) настойчиво стремится и Россия, быстро модернизируя свою Транссибирскую магистраль, снижая тарифы, усиливая охрану грузов и так далее.

¹ Барков А. В. Шанхайская организация сотрудничества. // Московский журнал международного права. 2003. №1. С. 262–271.

К нефтяным месторождениям Казахстана присматривается Китай. Нефтепровод в Китай протяженностью 2,9 тыс. км и пропускной способностью до 40 млн. тонн сырой нефти в год планируется проложить менее чем за 3 года.

Столь пристальное внимание международного сообщества к их перспективному трансконтинентальному транзиту и природному потенциалу заставляет страны Центральной Азии включаться в соревнование за то, какая из них сможет ранее других предложить наиболее привлекательные условия сотрудничества. Естественно, они конкурируют между собой, и достаточно жестко.

Особое внимание уделяется транспортному комплексу, в который можно привлечь значительные по размерам быстро окупаемые иностранные инвестиции, одновременно поправив положение в инфраструктуре, создав постоянные рабочие места, наконец, получив реальную прибыль. Соперничество за транзитные грузопотоки приводит к стремлению развить свои транспортные системы в обход территории конкурента. В лучшем положении оказывается Казахстан, обладающий наиболее обширной территорией.

С точки зрения перспектив развития международных отношений в евразийском регионе Великий шелковый путь приобретает едва ли не ключевое значение. Этот проект может осуществиться только при условии поддержания мира и стабильности на всем протяжении пути из Азии в Европу. На первый план при этом выдвигаются соображения сотрудничества. Только сотрудничество в состоянии сделать его полнокровным и действенным.

Вариант, что Центральной Азией будет править сама Центральная Азия в лице пяти независимых государств ее составляющих, трудно было предвидеть еще пару десятилетий назад. Это стало возможным потому, что с интересами пяти этих государств сегодня тесно переплетаются интересы как их могущественных соседей — России, Китая, Ирана, Турции, Индии и Пакистана, так и стран более удаленных, но не менее влиятельных в международных делах — США, стран Европейского Союза, Японии, Южной Кореи.

Те из геополитиков, кто прежде прогнозировал, что XXI в. станет веком столкновения цивилизаций, и ведать не ведали, что международный терроризм заявит о себе как о страшной, коварной и непредсказуемой силе, способной влиять на поведение ведущих стран мира. После 11 сентября 2001 г., когда тщательно продуманный акт террора привел

к падению двух 110-этажных небоскребов в Нью-Йорке и смерти около 3 тыс. американцев, международный терроризм обозначил себя как дестабилизирующее начало в новейшей истории человечества.

Последовала череда бесчеловечных актов насилия в России, Испании, Турции, Израиле, Ираке, Афганистане. Мировое сообщество стало поворачиваться лицом к новой угрозе, изучать ее корни, ее питательную среду, стремясь выйти от исполнителей к манипуляторам, от кукол к кукловодам, авторам сценариев и их спонсорам. Сделать это оказалось очень непросто.

Резким диссонансом на фоне общемировой тяги к единому экономическому пространству и глобализации национальных экономик стали кровавые акты насилия международных террористических организаций. Это и форма протеста против руководящей роли Соединенных Штатов Америки в современном мире, и знаковые деяния, посредством которых всевозможные радикальные организации, взращенные в беднейших странах третьего мира экстремистскими силами, стремятся очертить свое место под солнцем.

Задачей номер один Организации Объединенных Наций стало искоренение международного терроризма и экстремистских сил, его питающих, как нетерпимого препятствия на пути к общечеловеческой цивилизации. Разрушающее и дезорганизирующее действие экстремистских сил особенно заметно в Афганистане; международные транспортные коридоры, проходящие через эту страну, не функционируют столько лет, сколько лет афганской междоусобице. Сильно оно в Чечне, Ираке, Палестине, Уганде и некоторых других беднейших азиатских и африканских странах.

Противостояние международному терроризму — важнейшая часть геополитической ситуации в Центральной Азии. В этой области сотрудничество стран региона между собой и с ведущими государствами мира становится все более конструктивным.

Начавшийся экономический подъем практически нейтрализовал угрозу межэтнических конфликтов; угроза же со стороны радикальных исламских движений пока не ослабла.

В США растет понимание того, что содействие экономическому росту Центральной Азии способствует политической стабильности и может стать эффективным противодействием радикальному исламскому влиянию. Известный американский политолог Збигнев Бжезинский сказал: «Нам надо понимать, что государства Центральной Азии вышли

по сути дела из колониальных взаимоотношений, которые не способствовали созданию в них демократической политической культуры. Возращивание демократической политической культуры требует времени. Так что на данном этапе наших отношений с этими странами цель сохранения их независимости должна преобладать над целью реализации всей совокупности прав человека»¹.

Россия, занимая огромную площадь в Евразии, по сути, является связующим мостом между Западом и Востоком крупнейшего материка Земли — Евразии. Это позволяет ей осуществлять геостратегический маневр гибко и широко.

Россия — сторонница многополярного мира, она считает себя одним из его полюсов. Очень важным в центральноазиатской стратегии России является афганский вопрос. России нужен стабильный, предсказуемый Афганистан, лояльный мировому сообществу. Страны Центральной Азии и США хотят этого же. Такое совпадение позиций дает хорошее поле для сотрудничества.

России пришлось признать растущее присутствие Запада в экономике Центральной Азии и его интерес к обеспечению безопасности региона. Военное присутствие России в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане, судя по всему, будет носить многолетний характер, так как устраивает и эти страны. И Западу приходится учитывать желания стран Центральной Азии или пытаться изменить их. Россия охотно идет на партнерство с Китаем (Шанхайская организация сотрудничества) и Ираном, видя в них классических противников атлантизма. В то же время, она все чаще действует сообща с атлантическим миром, идя на сближение с НАТО по многим позициям.

Политологи считают, что если Россия возьмет на себя роль ускорителя интеграционных процессов в Центральной Азии, ее влияние и авторитет в регионе только возрастут. Если же она ограничится ролью наблюдателя ее влияние стремительно пойдет на убыль.

Китай также стремится грамотно оценить меняющуюся обстановку на евразийском пространстве. Он создал ряд крупных исследовательских центров по изучению независимых государств Центральной Азии. Его собственное быстрое развитие позволяет решать проблему занятости, всегда острую для этой перенаселенной страны. Китай, конечно же,

¹ An Interview with Zb. Brzezinski. Thoughts on the Political and Geostrategic Realities of the Caucasus and Central Asia. // The Cyber-Caravan, V. 1, No. 2 January, 1999. P. 25.

готов принять самое активное участие в освоении просторов соседних стран, России, Монголии, Казахстана, плотность населения в которых низка.

Повышенный интерес Китай проявляет к сырьевым отраслям экономики стран Центральной Азии, к сбыту в них своих дешевых и достаточно качественных товаров народного потребления, задействуя ее транспортные коммуникации для транзита своих товаров в Европу и удешевления транспортных издержек. Естественно, власти страны надеются, что новые транспортные маршруты в Европу пройдут по территории, где будет обеспечена безопасность и стабильность. Через Шанхайскую организацию сотрудничества Китай поддерживает государства Центральной Азии в обеспечении их безопасности, добиваясь доверия, лояльности и готовности к сотрудничеству.

Китай разрешил все пограничные споры со своими северными и восточными соседями. Военное давление на него с севера исчезло. Независимые государства Центральной Азии угрозы для него не представляют. Возникают благоприятные условия для развития его восточных районов, и в частности, Синьцзян-Уйгурского автономного района. Китай не сторонник военного присутствия США или восстановления прежнего влияния России в Центральной Азии, особенно в пограничном для себя регионе. Он также стремится изолировать Синьцзян-Уйгурский автономный район от влияния исламского фундаментализма и идей пантюркизма.

В целом геополитические интересы Китая в Центральной Азии носят стабильный, последовательный и долговременный характер. Устанавливая с Россией партнерские отношения в этом регионе, Китай рассматривает их как еще один фактор стабильности на своих северо-западных границах.

Со всеми новыми государствами Центральной Азии быстро наладил политические и экономические отношения Иран, сразу же предприняв попытку оказать на них идеологическое давление, усиленно пропагандируя свое религиозное мировосприятие. Но иранская формула исламского государства не нашла в государствах региона благодатной почвы для произрастания и воспроизводства. Убедившись в этом, Иран стал выстраивать отношения со своими северными соседями в чисто прагматическом русле. Это вполне устраивает все другие стороны. Через Иран пролегает путь к Персидскому заливу в продолжение Великого шелкового пути.

В кратчайшие сроки была проложена железнодорожная ветка Мешхед—Теджен—Серахс, соединившая в 1996 г. туркменскую железнодорожную сеть с иранской. Особая заинтересованность стран Центральной Азии в морских терминалах в Персидском заливе дает Тегерану дополнительные аргументы в отстаивании своих интересов в регионе. А нормально развивающееся сотрудничество со странами Центральной Азии (особых успехов Иран достиг в налаживании добрососедских отношений с Туркменистаном) позволяет ему ослабить на международной арене свою изоляцию, инициатором которой настойчиво выступают США.

Усиливая свое влияние, Иран противится укреплению позиций США в этой части мира, ранее для Америки закрытой. Такая позиция Тегерана находит молчаливую поддержку у России, Индии и Китая. По инициативе Ирана были созданы Организация экономического сотрудничества, в которую вошли все центральноазиатские государства, Азербайджан, Турция и Пакистан, и Организация сотрудничества прикаспийских государств.

Много усилий было потрачено Турцией для того, чтобы установить над новыми независимыми странами Центральной Азии политический и идеологический патронаж, реализуя надежды Запада расширить таким образом щит против исламского фундаментализма. Этническая, языковая и культурная близость Турции и Центральной Азии создавала благоприятные предпосылки для утверждения геополитических интересов Анкары в этом регионе. Надежды Турции на лидирующее положение в тюркоязычном мире вскоре, однако, развеялись, и на первое место выступил прагматизм, связи обрели привычную экономическую окраску.

Турецко-иранское соперничество в регионе протекает достаточно остро, ведь у этих стран-соседей противоположные модели государственного устройства. Во второй половине XX в. Турция выполняла роль плацдарма для защиты интересов США на Ближнем и Среднем Востоке.

Что касается Пакистана, то в его политике в соседнем регионе скрывается давнее противостояние с Индией в связи с неразрешенными территориальными спорами, не раз вызывавшими острые вооруженные конфликты. И Пакистан, и Индия де-факто стали ядерными державами.

Понятно, что государства Центральной Азии стремятся к тому, чтобы свой спор эти страны-соседи разрешили мирным путем, чтобы на всем индийском субконтиненте установились спокойствие и сотрудничество.

Религиозная и культурная общность с Пакистаном не сделала страны Центральноазиатского региона его естественным союзником в этом непростом вопросе. Всем этим странам было бы выгодно возобновление Индией сухопутного транзита в Европу через Пакистан, Афганистан и Центральную Азию (сейчас он проходит через Иран, Каспийское море и Россию).

В связях с Центральной Азией Пакистан делает упор на сотрудничество в создании совместных предприятий, развитие транспортной инфраструктуры, телекоммуникаций. В Пакистане усиливается осознание того, что для дальнейшего расширения отношений со странами Центральной Азии должны быть задействованы автомобильные дороги, проходящие через Афганистан, и в кратчайшие сроки там же построена железная дорога. Но транспортные коммуникации могут нормально функционировать только в стабильной стране. Пакистан, как союзник США в антитеррористической борьбе, делает многое для стабилизации обстановки в Афганистане, но в самой этой стране все еще действуют спонсируемые международным терроризмом нелегальные лагеря по подготовке боевиков, в частности для Ирака и Чечни. Пакистан сам неоднократно подвергался их атакам. Его армия борется с этим злом, но пока недостаточно эффективно.

Индия видит в странах Центральной Азии естественных партнеров по политическому и экономическому сотрудничеству, обеспечению совместной безопасности. Она противится тому, чтобы их позиция становилась пропакистанской. Приход к власти в Афганистане движения «Талибан» (начало 1995 г.) объединил в афганском вопросе позиции Индии, России и Ирана, которые были противниками этого движения, спонсируемого Пакистаном. Для Индии предпочтительно, чтобы страны Центральной Азии имели выход к южным морям через Иран, а не через Пакистан.

Сотрудничество Индии со странами региона носит многоплановый характер; она хочет видеть эти страны своими сторонниками при решении кашмирской проблемы. Таким образом, в Центральной Азии сталкиваются геополитические интересы не только мировых держав, но и соседних государств — Турции, Ирана, Пакистана и Индии.

Япония, как вторая индустриальная держава мира, в большом количестве экспортирующая и готовые изделия, и промышленные технологии, также настойчиво, но незаметно усиливает свое присутствие в Центральной Азии. Эта страна специализируется на изделиях с высокой

научно- и трудоемкостью (электроника, связь и телекоммуникации, станкостроение, автомобилестроение). Она заинтересована в политической и социальной стабильности, в быстром экономическом развитии стран Центральной Азии, особенно их добывающих отраслей, поскольку является крупнейшим импортером сырьевых ресурсов.

Япония стремится быстрее включить государства Центральной Азии в глобальный товарообмен и через возрождение Великого шелкового пути, и посредством создания новых выходов стран региона к портам Индийского океана и Средиземного моря. С этой целью она предоставила внушительные кредиты Узбекистану (1,6 млрд. долл.), Казахстану, Кыргызстану, Туркменистану. Велика и льготная государственная кредитная помощь Японии странам региона (в 1995–2001 гг. Узбекистан получил 312 млн. долл. такой помощи, Кыргызстан — 241 млн. долл., Казахстан — 222 млн. долл.). Кстати, не меньший интерес Япония проявляет к обновлению Транссибирской железной дороги, дающей ее товарам кратчайший выход в Европу. Так, японские бизнесмены рассматривают планы строительства железной дороги через Сахалин на материк.

Япония хотела бы видеть в Центральной Азии регион, куда можно перенести экономический динамизм стран Восточной Азии. Пока, однако, объем торговли стран региона с Японией невелик. Немного в нем и совместных с Японией предприятий (в Узбекистане на начало 2003 г. их всего 10). Транзит японских товаров через Китай в Европу стоит дорого, что негативно сказывается на использовании японцами транспортных коридоров Центральной Азии.

Европейский Союз вырабатывает такую политику в отношении стран Центральной Азии, которая бы учитывала в регионе интересы США, России, Китая, Индии, Японии и не вступала с ними в противоречие. Он заключил договора о партнерстве и сотрудничестве со всеми государствами региона. В 1999 г. Европейский парламент принял резолюцию «О стратегии Европейского Союза по развитию отношений с независимыми государствами Центральной Азии». В ней, в частности, подчеркивается, что успешное развитие демократии в этих странах чрезвычайно важно для ЕС.

Вместе с тем, в странах ЕС понимают, что искусственно культивировать в Центральной Азии демократию западного образца невозможно, нужно время, чтобы развились условия, благоприятствующие этому процессу. Европейский Союз оказывает региону практическую помощь

в борьбе с распространением наркотиков, с неблагоприятной обстановкой в Приаралье, с дефицитом питьевой воды.

ЕС заинтересован в ускорении интеграционных процессов в Центральной Азии. Проект транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия (ТРАСЕКА) — детище ЕС и поддерживается капиталовложениями в модернизацию железных и автомобильных дорог, воссоздающих древний Шелковый путь.

Независимость, обретенная странами Центральной Азии в 1991 г., начинает приносить свои плоды. Этим странам становятся присущи свои индивидуальные черты, свой «почерк» во внутреннем жизнеустройстве и в международных делах. Мировое сообщество оказывает им посильную помощь в переходе к рыночной экономике, в выходе на мировые рынки. Как раз для этой цели восстанавливается и задействуется Великий шелковый путь. По сути дела, он становится еще одним проектом — гарантом суверенитета этих стран, как бы заново открывая перед ними все четыре стороны света.

Стратегический прогноз геополитической картины мира в XXI в., определение места, отведенного в ней странам Центральной Азии и их ближайшим соседям, не просто интересны, но жизненно важны.

Перспективы Центральной Азии в мировой политике

На всем евразийском пространстве происходят разноплановые, различные по масштабам и последствиям процессы. С этой точки зрения самый крупный континент Земли предоставляет широкое поле для исследования самых разных процессов и явлений современности.

Если сузить поле рассматриваемого географического пространства до размеров региона Центральной Азии, а временной промежуток задать от распада Советского Союза и образования независимых государств до дня сегодняшнего, когда эти государства, пройдя самостоятельно известный путь, могут сопоставить желаемое с действительным, в том числе с достижениями других стран, многие из которых являются их соседями, то изменение ситуации можно проследить на конкретных примерах.

Новые независимые государства на просторах Центральной Азии, какими стали бывшие советские республики в 1991 г., попали в непростую геополитическую ситуацию. Надо было напряженно работать, чтобы утверждать свою самостоятельность. Надо было позаботиться об атрибутах независимости — собственных, пусть минимальных, вооруженных силах, министерствах иностранных дел, посольствах. Предстояло научиться самостоятельно вести экспортно-импортные операции. Надо было переводить народное хозяйство своих стран на рельсы рыночной экономики, а как это делать с наименьшим уроном, никто не знал.

Помощь мирового сообщества, на которую так рассчитывали, оказалась минимальной. Полагаться пришлось в основном на собственные силы. Экономике всех этих стран была присуща односторонняя, главным образом, сырьевая направленность при ограниченной емкости внутреннего рынка. Поскольку исходная база, за редким исключением, у всех бывших советских среднеазиатских республик была однотипна, а сходные природные ресурсы предопределяли деятельность в пределах примерно одинаковой сырьевой минеральной и сельскохозяйственной базы, государства региона чаще выступали как конкуренты, нежели как соседи по региону, объединенные общими целями.

Вдруг зачадили, а потом взорвались давно тлеющие очаги напряженности. Клановые конфликты в Таджикистане переросли в гражданскую войну, Армения и Азербайджан сошлись в кровавой схватке из-за Нагорного Карабаха, абхазцы не пожелали жить в одной стране с грузинами и потянулись к России.

Во всех подобных случаях остановить кровопролитие удалось далеко не сразу, и страны, которые позволили себе силовое выяснение отношений в вопросах, которые до этого удавалось улаживать мирным путем, оказались отброшены на десятилетия назад. И хотя мир потом был восстановлен, последствия конфликтов тяжким бременем легли на плечи таджикского, армянского, азербайджанского и грузинского народов. Ведь, чтобы идти вперед, сначала надо было залечить раны и восстановить разрушенное.

Свободой, как оказалось, трудно пользоваться, не просто было осознать, что она очень далека от вседозволенности. Наследство, оставшееся от Советского Союза, не во всем и не всех устраивало. Например, единая в прошлом этнокультурная территория Ферганской долины была в конце 1924 г. наспех поделена между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном. К этому прибавились другие произвольные территори-

альные изменения, произведенные за годы советской власти, что в итоге породило в Центральной Азии свыше 10 спорных территориальных проблем, которые подогревают современные этнические и межгосударственные конфликты. Тем не менее, гораздо разумнее с этим наследством примириться и согласиться с незыблемостью существующих границ, чем настаивать на их пересмотре ценой разжигания конфликтов.

Значительно более продуктивно развивать добрососедские отношения. Это делает границы прозрачными, а затем, когда сотрудничество перерастает в единое экономическое пространство, и вовсе придает им чисто символическое значение, как это произошло в объединенной Европе.

Дорогу к независимости государства постсоветского пространства обустроивают на протяжении уже более 10 лет, и видно, что вперед наиболее продвинулись те страны, которые сумели за это время создать наилучшие условия для перехода к рыночной, но социально защищенной экономике. Пусть поступательное движение производилось методом проб и ошибок, но уже можно сказать, что Россия на этом пути опробовала различные методики больше и шире, а ошибалась реже, чем другие участники марафона. Она и добилась впечатляющих темпов роста. Россия снова превращается в стратегическую ось для всего постсоветского пространства, снова становится региональным лидером¹.

Модернизация экономик стран Центральной Азии в целом проходит как синтез традиций и современности. Правительства этих стран поставили своей целью добиться таких социальных, экономических, политических и культурных перемен, которые привели бы к быстрому росту качества жизни населения, помогли бы достойно войти в мировое сообщество. Если Казахстан и Туркменистан делают упор на рост добычи нефти и природного газа (так, Казахстан рассчитывает в 2010 г. добыть более 100 млн. тонн нефти, а Туркменистан — 50 млн. тонн нефти и 120 млрд. кубометров газа), а подъем остальных отраслей народного хозяйства ставят в прямую зависимость от роста добычи энергоносителей, то Узбекистан сосредоточил усилия на глубокой переработке хлопка, овощей и фруктов, на развитии автомобилестроения. У стран Центральной Азии, особенно Узбекистана, все еще остается большой невостребованный экономический потенциал.

¹ Бажанов Е. П. Стратегические интересы России на Ближнем Востоке. // Бажанов Е. П. Современный мир. М., 2004. С. 159–170.

В Кыргызстане экономический рост возобновился с 1996 г., чему способствует быстро сформированная рыночная инфраструктура. Темп роста — около 6% в год. В Таджикистане рост валового внутреннего продукта начался позже, с 1998 г., а падение производства было самым глубоким. Так, уровень производства в 1996 г. достигал лишь 40% от уровня 1991 г. Создавая правовую базу для развития частного сектора экономики, страны Центральной Азии стремятся улучшить инвестиционный климат.

Рост экономики — фактор, объективно способствующий интеграционным процессам в регионе. Дееспособная экономика сама является могучим фактором стабильности. Сегодня интеграционные процессы начинают превалировать над процессами дезинтеграционными. Взаимодействие и сотрудничество приносят все более зримые плоды. Вместе с тем, до единого экономического пространства между Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном еще далеко (договор о создании такого пространства был подписан в 1994 г.), и практика этого процесса далеко не так безоблачна, как декларации сторон.

Начавшиеся в регионе интеграционные процессы пока больше отражают благие намерения, чем их претворение в жизнь. Сказывается и отсутствие практики реализации заключенных соглашений, навыков каждодневной целенаправленной работы по их выполнению. При этом никто из руководителей центральноазиатских стран публично не ставит под сомнение выгоду от единого экономического и единого транспортного пространств с общим рынком и единой внешней политикой, единым таможенным и налоговым контролем, а также с единой системой безопасности во всем регионе.

Дистанцирование от России и сближение с Америкой, как показала практика, не прибавляло и не укрепляло суверенитет отдельных государств. Поднимало авторитет государства только быстрое движение вперед в деле подъема экономики, развития культуры, образования, привлечения иностранных инвестиций, демократизации общественной жизни и соблюдения прав человека.

Аналитики, дружно констатируя, что за 10 лет реформ в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) происходило постоянное уменьшение валового внутреннего продукта, уровень которого в 2000 г. не превышал 50% от показателей 1991 г., так же дружно пришли к выводу, что ни одна из стран СНГ не смогла в одиночку преодолеть экономический спад и достойно перейти к рыночной экономике.

Кооперационные связи между странами Содружества, резко оборванные в начале девяностых годов прошлого столетия, только теперь начинают медленно возрождаться.

Зримым выражением налаживания связей между отдельными странами региона и их «подключения» к мировым транспортным артериям стало возрождение Великого шелкового пути.

Великий шелковый путь — широтная магистраль протяженностью более чем в 12 тыс. км, соединяющая тихоокеанские порты Восточной Азии с атлантическими портами Европы. Восстанавливается транспортный коридор Восток — Запад как современный аналог древнего караванного пути.

В Центральной Азии и в странах Южного Кавказа идет формирование внутрирегиональных и межгосударственных транспортных узлов. Каспийская нефть придает этому процессу хорошее ускорение. В рамках проекта казахские железные дороги соединены с китайскими (станция Дружба), туркменские — с иранскими (станция Серахс). Так что сквозной железнодорожный путь Пекин — Алматы — Ташкент — Тегеран — Стамбул и далее в Европу, названный Трансазиатской магистралью — это уже несколько лет как реальность (правда, при этом приходится дважды переставлять вагоны — с узкой колеи на широкую и наоборот, но это уже технические детали). Практически создан трансевразийский маршрут, параллельный Транссибирской магистрали, но проходящий двумя тысячами километров южнее. К нему тяготеют территории площадью свыше 10 млн. квадратных км (сама Центральная Азия, западный Китай, северная Индия, северный Пакистан, Афганистан).

Возобновление Великого шелкового пути, но в новом качестве, сегодня стало важной геополитической реальностью. Уже можно говорить о формировании современной транзитной евразийской транспортной сети путем создания коридоров Восток — Запад и Север — Юг. Таким образом, транспортный комплекс Центральной Азии оказывается все более востребованным в ходе начавшегося экономического подъема и становится важным инструментом интеграции стран региона в мировую экономику.

Возрождаясь на новой основе, в виде железных и автомобильных дорог широтного направления, в виде воздушных трасс и оптико-волоконных линий связи, в виде трубопроводных систем, перемещающих энергоресурсы, Великий шелковый путь соединяет цивилизации Европы и Азии и подготавливает грядущее единение человечества.

Международное сообщество, реконструирующее Шелковый путь и помогающее молодым государствам достойно войти в мировую политику, построить рыночную, но социально защищенную экономику, не едино¹. Цели, которые преследуют Соединенные Штаты и Европейский Союз, Россия, Китай, Япония, Индия, Турция, Иран, Пакистан, арабские страны, не всегда совпадают с теми задачами, которые ставят перед собой сами молодые независимые государства.

Одно из ключевых понятий геополитики — это понятие национальных интересов. Оно включает в себя в качестве одного из основополагающих факторов географическое положение. Действительно, место, где исторически поселился и развивается народ, — один из наиболее устойчивых параметров его бытия. «География есть самый фундаментальный фактор во внешней политике государств, потому что он наиболее постоянен. Министры приходят и уходят, диктаторы умирают, но цепи гор остаются непоколебимыми», — заявил на рубеже XIX и XX вв. известный американский политолог Н. Спикмен².

Переходя к характеристике геополитики на Шелковом пути, необходимо учесть, что Восток — это целый комплекс социокультурных, национально-культурных ареалов, таких, как ближневосточный арабо- и тюрко-мусульманский, средневосточный ирано-тюрко-мусульманский, центральноазиатский тюрко-мусульманский, восточно-азиатский буддийско-синтоистский, конфуцианский, индийский, индуистско-буддийско-мусульманский и так далее³. Каждый из этих миров и по своим базовым характеристикам, и по взаимоотношениям с западным миром имеет свои особенности и требует своего подхода. Преобладавшие некогда на Западе представления о народах Востока как имеющих менталитет пассивный, летаргический и невосприимчивый к новшествам, давно опровергнуты, поскольку чрезвычайно далеки от действительности⁴. Китайская и индийская цивилизации когда-то были ровесниками древнеегипетской цивилизации, но продемонстрировали стойкость во времени, способность видоизменяться под воздействием перемен, происходящих в окружающем их мире.

¹ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 8 сентября 2000.

² См. Spykman N. *Geography of Peace*. Wash., 1942.

³ См. Василенко И. А. *Политическая глобалистика*. М., 2000. Гл. 4.

⁴ Сухарев В. А., Сухарев М. В. *Психология народов и наций*. М., 1997. С. 3–4.

Демократические преобразования в Центральной Азии идут недостаточно быстро. Но ведь даже в Турции, в Египте, которые гораздо ближе к Европе и гораздо дольше осуществляют процесс демократизации своих обществ, эти преобразования далеки от завершения. Ускорять процесс искусственно едва ли имеет смысл, это не приблизит желаемого результата. Европоцентристский мир много веков назад, придя на Восток, так и не смог «переварить» его, поставить на рельсы европейской модели развития. Синтез цивилизаций произошел лишь тогда, когда Восток сам потянулся навстречу европоцентристской цивилизации, принял те ее элементы, которые смогли органически вписаться в восточную ментальность и восточный образ жизни. Взаимодействие стимулировала не сила, но взаимная выгода, осознанная постепенно обеими сторонами.

Существует мнение, что в исламском мире время течет медленнее, чем в любом другом, и можно никуда не торопиться. Это мнение опирается на то, что исламский мир, потребляя достижения технической цивилизации, сам их почти не создает. В наши дни затянувшийся перевод народного хозяйства на рельсы рынка создает проблемы, острота которых может сказаться на прочности государственных республиканских устоев, на популярности самой идеи демократии. Важнейшая среди них — низкий уровень жизни, массовое обнищание населения, особенно сельского. В Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане велика безработица. Если в Кыргызстане за чертой бедности живет около 40% населения, то в Таджикистане — 60%. А там, где бедность, там и недовольство.

Примерно половина Великого шелкового пути — это геополитическое пространство ислама. Следует подчеркнуть, что для мусульман ислам неотделим от государственной власти¹. Равновесие и стремление к демократическим преобразованиям на Востоке остаются весьма хрупкими и неустойчивыми.

Важнейшие экономические предпосылки активной геополитики ислама — нефть (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Ливия, Ирак, Иран, Малайзия), быстрая индустриализация (Турция, Малайзия, Индонезия и некоторые другие мусульманские страны), туризм (Египет, Турция, Малайзия), широкомасштабное производство и сбыт наркотиков (Афганистан, Пакистан).

¹ Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С.4–5.

Симптоматично, что если в средние века продвижению ислама во внешний мир способствовали его могучие интеллектуальные ресурсы (ученые: математики, астрономы, географы, философы, богословы), то сегодня этот фактор резко сузился и перестал быть значительным. Лидерство в развитии культуры и расширении информационного пространства перехватили другие народы и культуры. Идея демократии в ее европоцентристском понимании строится на постулате, что индивид важнее группы, тогда как большинство восточных стран, отдают приоритет групповым правам и интересам. Отсюда вытекают многие трудности при попытках демократизации Востока по европейским стандартам. Востоковед К. Розмен сравнивает, как равновеликий, феномен восточноазиатского конфуцианства с западным капитализмом и европейским социализмом. Такие элементы конфуцианства, как бережливость, дисциплина и трудолюбие, очень повлияли на быструю модернизацию, например, в Китае¹. Эти же факторы сказались на стремительном взлете Японии после Второй мировой войны.

Ошибочным стереотипом в наши дни остается утверждение, что исламские культура и традиции являются главным препятствием на пути установления демократических традиций в мусульманских странах. Пример Турции, Марокко, Малайзии говорит о другом. В исламе, наряду со страхом перед «фитной» — подрывом единства и подчеркиванием роли «уммы» (сообщества) важное место занимает постулат о «бидаате» — обновлении. Скорее всего, в обозримом будущем ряд азиатских стран, в том числе обладающие большим весом и влиянием, сохраняют полудемократические или даже авторитарные формы правления. И интернационализация важнейших сфер общественной жизни не будет означать политической унификации на западный манер в масштабах всего мирового сообщества².

Сегодня каждое государство, независимо от своего реального веса и влияния, оказывается вовлеченным в дела всего мирового сообщества. Иными словами, сегодня существует некий общемировой политический климат, в котором общемировые тенденции никого не минуют³.

¹ Fareed Z. Culture is Destiny: An Interview with Lee Kuan Yew. // Foreign Affairs 73:2 (March/April 1994). PP. 109–129.

² Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. Гл. 7. Новая идентичность против глобализации. М., 2001. С. 169.

³ Шмидт Г. Время глобальной ответственности: европейский взгляд на перспективы всеобщего развития. // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 20–31.

Следует учесть, что Восточноазиатский регион — самый динамичный в современном мире. Так, для удвоения национального дохода на душу населения Китая понадобилось всего 10 лет¹. Стремительный рывок вперед Японии, Китая, группы средних и малых стран, образно названных «азиатскими тиграми», — наглядный тому пример. Экономическому процветанию этого огромного региона способствовали не только введение свободно-рыночных отношений, но также правильный социальный и экономический выбор.

На рубеже тысячелетий Япония превратилась в экономическую супердержаву, превосходящую любую европейскую страну и способную в отдельных сферах на равных конкурировать с Соединенными Штатами. Заграничные капиталовложения Японии приближаются к 1 трлн. долл.; из 100 самых крупных банков мира 29 — японские и только 9 — американские. Для Японии характерно социокультурное и расовое единство. В этой стране делается все возможное для достижения социальной гармонии и национального единства (чувство национальной гордости и патриотизма в японцах развито исключительно сильно), подчинения индивидуальных интересов интересам общества.

В глазах большинства азиатских стран американская модель развития, существенно отличающаяся от японской, в целом ей уступает, и они отдают предпочтение японской модели, а в более широком смысле — восточноазиатской, включающей в себя и китайский вариант развития.

Стоит прислушаться к высказыванию известного японского политика и публициста Огуры: «Отныне для Азии проблема состоит не в том, чтобы содействовать модернизации, а в том, чтобы понять, как следует во всемирном масштабе решать проблемы противоречий и беспорядков, с которыми связаны западноевропейская модернизация и индустриализация. Ключ к разрешению этой проблемы вовсе не обязательно в руках западноевропейской цивилизации. Поэтому именно азиатское образование и азиатское понимание вещей, которыми обладает азиатская элита, приобретают сейчас первостепенную важность»².

Сингапурский ученый К. Махбубани также отмечает: «XXI в. будет свидетелем борьбы между атлантическим импульсом и тихоокеанским импульсом. В течение последних нескольких столетий атлантический

¹ World Bank? Global Economic Prospects and the Developing Countries 1993. Wash., 1993. P. 66–67.

² Цит. по: Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М.; 2003. С. 308–309.

импульс определял направление мировой истории. Поэтому европоцентристским аналитикам придется пересмотреть свои концепции, если они хотят правильно понять дальнейший ход истории»¹.

Реальность заключается в том, что Восток уже стал равновеликой Западу несущей конструкцией мирового сообщества, и эта его роль в наступившем веке будет усиливаться. Причем, на Востоке вызревают несколько центров мирового влияния (Китай, Япония, Индия, группа быстро развивающихся стран, именуемых «азиатскими тиграми»).

Япония, как наиболее развитая держава, член «большой восьмерки» ведущих стран мира, считает себя ответственной за развитие региона, за поддержание мира и порядка на Дальнем Востоке. Но японские интересы, в первую очередь экономические, сегодня простираются далеко за пределы Дальнего Востока и даже всего Тихоокеанского региона.

Участвуя в возрождении Шелкового пути в странах Центральной Азии посредством финансовой помощи и прямых инвестиций, Япония не афиширует свой растущий интерес к этому региону. В то же время она рассматривает его почти исключительно как поставщика сырья, обеспечивая проекты, связанные с модернизацией путей сообщения, а также с добычей углеводородного сырья и цветных металлов. Зависимость Японии от сырьевого импорта общеизвестна и со временем будет возрастать. Японская помощь целому ряду стран региона, ориентированных на первоочередное развитие добывающих и сырьевых отраслей, свидетельствует о прагматичном подходе (только Кыргызстану за годы независимости этой страны помощь Японии составила 300 млн. долл., что совсем немало). Депрессия, постигшая японскую экономику в последние годы, существенно не изменила общее положение вещей.

Интересно отметить, что, в отличие от успешного сотрудничества в Центральной Азии, интеграционные процессы на Дальнем Востоке, содействующие объединению политических и экономических усилий Японии, Южной Кореи и Китая, пока вялы, малозаметны и малоэффективны, ибо последствия Второй мировой войны в сознании народов этих стран еще не преодолены и образ врага, каким были японцы для китайцев и корейцев, не изжит. Тезис опоры на собственные силы продолжает оставаться ведущим в философском восприятии действительности народами этого региона.

¹ Цит. по: Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М.; 2003. С. 309

На примере Китайской Народной Республики, по территории которой проходит немалая часть Великого шелкового пути, прекрасно видно, что модернизация экономики с подведением под нее фундамента частной собственности и рыночных отношений позволила стране сохранить как пребывание у власти коммунистической партии, так и основные черты своей традиционной культуры. Китай развивается, пестуя свою идентичность.

Множество других незападных стран готовы избрать именно этот путь, тем более, что накоплен негативный опыт механического заимствования некоторыми странами третьего мира западных образцов государственности и демократии, приводившего к непредсказуемым последствиям. Прямое заимствование западных духовных ценностей, западного образа жизни привело к созданию огромной дуги нестабильности от Инда до стран Магриба. Первый такой опыт провалился в Иране, где шах под американским патронажем пытался перенести на иранскую почву политические институты и экономические отношения западного образца.

Достаточно скоро (по историческим масштабам) произойдет объединение Китая континентального с Тайванем — вероятно, на тех же условиях, на которых Гонконг вернулся к своей исторической родине¹. Сегодня Тайвань занимает первое место среди инвесторов китайской экономики. Это объединение, состоявшись, закрепит превращение Китая в самую мощную финансово-экономическую страну².

Но быстрое развитие заставляет Китай преодолевать много трудно разрешимых проблем. Располагая 20% людского потенциала планеты, Китай имеет в своем распоряжении менее 10% ее ресурсного потенциала, причем по обрабатываемым землям и воде этот показатель еще ниже. Энергетика страны почти всецело опирается на каменный уголь (его годовая добыча превысила 1 млрд. тонн), а это наиболее трудоемкий по добыче и наименее эффективный энергоноситель. Китай ускоренными темпами наращивает импорт нефти (отсюда его пристальное внимание к географически близкому Прикаспийскому региону). Число безработных в стране приближается к четверти млрд. человек (в основном это жители села).

Тем не менее, энергия китайского народа направлена на успешное преодоление трудностей и сохранение высоких темпов роста. Постоянно

¹ Lieberthal K. *Governing China. From Revolution Through Reform*. N.Y., 1995. Pp. 11–19.

² Lieberthal K. A. *A New China Strategy*. // *Foreign Affairs*. November–December 1995. P. 41.

нарастает политическое и экономическое присутствие Китая в Центральной Азии. Урегулированы пограничные вопросы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также с Россией (при этом Кыргызстану пришлось пойти на существенные территориальные уступки, а печально известный амурский остров Даманский отошел к Китаю). Заключив в Шанхае соглашение о дружбе, сотрудничестве и совместном противостоянии терроризму во всех его проявлениях с Россией и всеми странами Центральной Азии, Китай подвел под свое сотрудничество с этими странами серьезную правовую базу, которая год от года пополняется новыми соглашениями¹.

Исходя из необходимости совместных усилий в преодолении новых угроз регионального и глобального характера, Китай поддерживает контакты со всеми заинтересованными странами. Так, в апреле 2004 г. в Ташкенте прошла очередная встреча руководителей стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на которой принято решение о создании совместного антитеррористического центра с местопребыванием его штаб-квартиры в столице Узбекистана. Авторитет этой организации растет, в нее хотели бы вступить Индия, Пакистан, Афганистан. Запад уже видит в этой организации действенный противовес американскому влиянию в регионе Центральной Азии².

Торговля Китая с Центральноазиатским регионом набирает силу, в стадии разработки и осуществления находятся проекты нефте- и газопроводов из Казахстана и Туркмении в Западный и срединный Китай.

Россия пытается всеми силами установить с Китаем отношения доверительные и тесные, близкие к союзническим, чтобы вместе противостоять американскому лидерству в мире и расширению НАТО на восток³. Одновременно ей приходится опасаться демографической интервенции Китая в районы Дальнего Востока и Сибири (китайцы с

¹ Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества». Шанхай, 15 июня 2001; Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Москва, 16 июля 2001 и др.

² Барков А. В. Шанхайская организация сотрудничества. // Московский журнал международного права. 2003. №1. С. 262–271.

³ Бажанов Е. П. О стратегической линии России в XXI столетии. //Е. П. Бажанов Актуальные проблемы международных отношений. М., 2001. С. 191–196; Десять лет внешней политики России: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований /Под ред. А. В. Торкунова (Российская ассоциация международных исследований). М., 2003.

помощью официальных каналов, а чаще неофициальным методом «ползучей миграции» осваивают 72 страны мира)¹.

Китай, однако, отдает предпочтение традиционной доктрине опоры на собственные силы, которая никогда его не подводила. Опираясь на опыт Китая, Японии и других лидеров Востока, политолог К. С. Гаджиев полагает, что XXI в. будет веком тех народов и культур, которые сумеют достичь оптимального синтеза индивидуалистического западного и органического восточного начал².

Для новых республик Центральной Азии весьма поучительным является пример Китая, который не продает ни одного килограмма своего хлопкового волокна, а полностью перерабатывает его в ткани и готовые изделия и не только одевает свое многочисленное население, но и экспортирует готовых изделий из хлопка на 50 млрд. долл. в год.

Поступая таким же образом, развив легкую промышленность до размеров, обеспечивающих полную переработку своего хлопка в готовую продукцию, Узбекистан, к примеру, имел бы от экспорта одежды и тканей примерно 15 млрд. долл. в год, а не полтора млрд., которые он получает от экспорта 1 млн. тонн хлопкового волокна.

В отличие от успешно развивающегося, хотя и не быстрыми темпами, сотрудничества с Китаем и Японией разочарованием закончились первоначальные эйфорические иллюзии кавказских и центральноазиатских государств в отношении поддержки как со стороны Запада, так и мусульманского мира. Так, оказались завышенными ожидания относительно возможностей и масштабов помощи со стороны Турции, арабских нефтедобывающих стран.

Уже не так привлекательна и сама турецкая модель развития, усиленно рекомендуемая Западом для Центральной Азии. Идея объединения тюркоязычных стран исходит от Турции, но практического наполнения жизненными соками не получает³. Экономические успехи Турции, учитывая ее почти полувековую фактическую интеграцию в Европу, достаточно скромны (к примеру, Узбекистан на душу населения производит в два раза больше электроэнергии, чем эта страна).

¹ См. The Road to 2050. // Economist. 1999. July 31.

² Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М.; 2003. С. 309.

³ Турция между Европой и Азией. / Под ред. Н. Г. Киреева. М., 2001. Гл. 6,7; Демоян Г. А. Турция и карабахский конфликт. / Востоковедный сборник. / Под ред. А. В. Федорченко, А. О. Филоник (Институт изучения Израиля и Ближнего Востока). М., 2002. С. 22–34.

Турция очень надеялась, что новые независимые страны Центральной Азии воспользуются ее моделью государственного устройства и она установит над ними политический и идеологический патронаж. Ведь Запад смотрел на Турцию как на щит против исламского фундаментализма. Светский путь развития, избранный Турцией не без влияния Европы, в странах которой после 1945 г. постоянно работали миллионы турок, доказал свою жизнеспособность. По аналогии с Турцией, страны Центральной Азии и Азербайджан избрали светскую форму правления и законодательно (конституционно) отделили религию от государства. Но жизнь, практика являют нам другие картины, и пока рано говорить об отсутствии влияния религиозных общин и организаций на внутреннюю и внешнюю политику новых независимых государств, какими стали бывшие союзные республики с мусульманским населением.

Этническая, языковая и культурная близость Турции и Центральной Азии также создавала благоприятные предпосылки для утверждения геополитических интересов Анкары в этом регионе. Надежды Турции на лидирующее положение в тюркоязычном мире вскоре, однако, развеялись, и на первое место выступил прагматизм, связи обрели привычную для них меркантильную окраску.

Присутствие Турции, как и Ирана, в центральноазиатских странах (особенно на их рынках) достаточно заметно. Сфера турецкого проникновения в регион — прежде всего легкая (текстильная и швейная) промышленность, в которой создано много совместных предприятий, а также транспортные коммуникации и туризм — Турция является страной, через которую Великий шелковый путь выходит на просторы южной Европы (проект транспортного коридора Европа—Кавказ—Азия (ТРАСЕКА)).

Турецко-иранское соперничество в регионе протекает достаточно остро, ведь у этих стран-соседей противоположные модели государственного устройства. Всю вторую половину XX в. Турция выполняет роль опорной точки США, помогая им осуществлять на Ближнем и Среднем Востоке свои жизненные интересы.

В 1992 г. началась трансляция программ турецкого телевидения на страны Центральной Азии. В турецких вузах обучаются тысячи студентов из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана. Общая сумма технической и гуманитарной помощи Турции странам Центральной Азии превысила 1,2 млрд. долл.

Турция открыла в Центральной Азии и Азербайджане свои банки, создала много совместных предприятий по производству текстиля (джинсовых тканей), швейных изделий, сборке грузовиков, автобусов и так далее. Но это еще далеко от широкомасштабного присутствия.

Особое положение в регионе Центральной Азии занимает Туркменистан, объявивший себя нейтральной страной и отгородившийся от соседей жестким визовым режимом. Мало завися от своих соседей и развиваясь практически автономно, Туркменистан рассчитывает на значительный приток валютных средств, что повысит его роль в регионе и позволит ему проводить активную внешнюю политику. Его надежды на высокие доходы от поставок на внешние рынки газа и нефти (по некоторым данным, в этой стране сосредоточено до 30 % мировых запасов природного газа) начинают оправдываться. Будущее Туркменистана напрямую зависит от развития топливодобывающих отраслей. В 2005 г. добыча нефти должна достичь 28 млн. тонн, газа — 85 млрд. кубометров. В 2010 г. эти показатели должны составить соответственно 48 млн. тонн и 120 млрд. кубометров.

Россия пересмотрела свое отношение к Туркменистану. До 2000 г. она практически перекрывала выход туркменскому газу в Европу. Она увидела в его предприятиях стратегическое подспорье своему «Газпрому», заключила с Туркменистаном долгосрочные соглашения по ежегодной закупке 70 млрд. кубометров газа в течение 20 лет и тем самым укрепила свои позиции на европейском топливном рынке.

Сегодня Каспийское море и прикаспийский регион стали местом, вокруг которого на обширных территориях Центральной Азии, Кавказа и Среднего Востока с новой силой разворачивается борьба за топливные ресурсы и пути их доставки на внешние рынки. Действующие здесь страны, помимо самих прикаспийских государств, это — Китай и Соединенные Штаты, Европейский Союз, Турция, Япония, Украина и другие. В прикаспийском регионе обнаружены запасы углеводородного сырья, что в будущем может сделать Туркменистан, Казахстан и Азербайджан крупными экспортёрами нефти и газа, существенно повлияв на их развитие¹.

До своего распада на Каспии доминировал Советский Союз. При этом в полной мере учитывались интересы Ирана как доброго соседа. Но когда прикаспийских государств стало пять, прежние соглашения

¹ Турция между Европой и Азией. М., 2001. Раздел IV.

по Каспийскому морю утратили юридическую силу, и у каспийского дна пока нет юридических хозяев. Судя по всему, будущая Конвенция о статусе Каспия будет исходить из того, что исключительными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов обладают 5 государств, расположенных на его берегах.

При разделе моря на секторы, пропорциональные модифицированной срединной линии (таково пожелание Казахстана, Азербайджана и Туркменистана, к которому склонна присоединиться и Россия), потенциальные ресурсы углеводородов в российском секторе моря составят по нефти 1 млрд. тонн, по газу — 1 трлн. кубометров, в казахском секторе, соответственно, 3 1 млрд. тонн и 1,5 трлн. кубометров, в азербайджанском — 2,5 1 млрд. тонн и 1,5 трлн. кубометров, в туркменском — 0,5 млрд. тонн и 1 трлн. кубометров.

Только в Казахстане, куда широкой рекой текут иностранные капиталовложения, добыча нефти может вырасти в 2010–2015 гг. до 170 млн. тонн, из которых 130 млн. тонн пойдет на экспорт. Казахстан в разработке своих природных ресурсов делает упор на добрые и доверительные отношения с Россией, подписав с ней в 1998 г. Декларацию о вечной дружбе и союзничестве, ориентированную на XXI в. Это себя оправдывает. Спорные с Россией каспийские месторождения разрабатываются совместно. Казахстан широко пользуется российскими трубопроводами для транспортировки своей нефти на мировые рынки и на нефтеперерабатывающие заводы Поволжья.

В то же время развиваются отношения Казахстана с Соединенными Штатами — в 1997 г. подписана «Программа углубления политического и экономического сотрудничества между США и Республикой Казахстан», Казахстан объявлен стратегическим партнером Америки. По прямым иностранным инвестициям Казахстан вдвое опередил остальные страны Центральной Азии, взятые вместе. Либерализация и повышение открытости национальной экономики продолжаются.

Развитие Азербайджана также опирается в первую очередь на увеличение добычи нефти и газа, и в этой стране складывается экономика сырьевого типа — другие отрасли промышленности, и некогда сильное машиностроение, в частности, не могут выйти из полосы застоя. По сути дела, у перспектив нефтяного развития страны нет альтернативы. Но есть и отрицательные моменты. Так, разведочное бурение на многих месторождениях выявило, что первоначальные прогнозные запасы нефти явно преувеличены — добыча нефти в этой стране ведется почти

150 лет, и за это время из ее недр извлечено 1,4 млрд. тонн «черного золота». Нефть, добываемая сегодня, почти вся идет на внутреннее потребление.

Иран, в отличие от других прикаспийских стран, считает свои каспийские запасы нефти и газа второстепенными, все его внимание сосредоточено на месторождениях Персидского залива, которых ему хватает с избытком¹. Но он заинтересован, чтобы по его территории прошли трубопроводы, транспортирующие каспийскую нефть к портам Персидского залива, в Пакистан и Индию. Иран быстро наладил политические и экономические отношения со всеми новыми государствами Центральной Азии. Сразу же им была предпринята попытка оказать на них идеологическое давление, усиленно пропагандируя свое религиозное мировосприятие.

Но иранская формула исламского государства не нашла в государствах региона благодатной почвы для произрастания и воспроизводства. Убедившись в этом, Иран стал выстраивать отношения со своими северными соседями в чисто прагматическом русле. Это вполне устраивает все другие стороны. Через Иран пролегает путь к Персидскому заливу в продолжение Великого шелкового пути.

В кратчайшие сроки была проложена железнодорожная ветка Мешхед — Теджен — Серахс, соединившая в 1996 г. туркменскую железнодорожную сеть с иранской. Особая заинтересованность стран Центральной Азии в морских терминалах в Персидском заливе дает Тегерану дополнительные аргументы в отстаивании своих интересов в регионе. А нормально развивающееся сотрудничество со странами Центральной Азии (особых успехов Иран достиг в налаживании добрососедских отношений с Туркменистаном) позволяет ему ослабить на международной арене свою изоляцию, инициатором которой настойчиво выступают США.

Трубопроводы в Каспийском регионе — это мощный инструмент геополитики. Иметь альтернативные, помимо российских, пути для экспорта нефти в интересах как Азербайджана, так и Казахстана. И один такой трубопровод, Баку—Джейхан (турецкий берег Средиземного моря), протяженностью 1730 км уже построен, его мощность в перспективе должна составить 60 млн. тонн. На очереди прокладка нефтепроводов

¹ Иран в современном мире. / Под общ. ред. Е. М. Кожокина (Российский Институт стратегических исследований). М., 2003. С. 6, 253.

из Казахстана в Западный Китай и через Иран или Афганистан — в Пакистан и Индию.

Газопроводы региона, помимо северных маршрутов (Бухара — Урал и Средняя Азия — Центр) вскоре могут пополниться мощным трубопроводом Туркменистан — Иран — Турция — Европа длиной более 3 тыс. км и пропускной способностью до 30 млрд. кубометров газа в год. Туркменистан гарантирует поставки газа по этому трубопроводу в течение тридцати лет. Еще один проектируемый маршрут — Туркменистан — Афганистан — Пакистан (Карачи) с первоначальной поставкой 20 млрд. кубометров газа в год. Началу работ здесь, однако, препятствует продолжающаяся нестабильность в Афганистане. В перспективе газопроводы из Туркменистана могут прийти в Китай, Корею и даже в Японию.

Крупным потребителем туркменского газа остается Украина (40 млрд. кубометров в год). Быстро наращивает добычу газа Казахстан, но пока все добытое голубое топливо потребляется внутри страны. Стать экспортером газа способен и Азербайджан, причем его запасов газа хватит, чтобы удовлетворить потребности Грузии и Восточной Турции.

«Головной болью» Центральной Азии продолжает оставаться Афганистан, его нестабильность, его гигантские маковые поля. Мировая статистика оценивает валовой внутренний продукт этой страны с населением в 25 млн. человек в 1,9 млрд. долл., а выручку от оборота наркотических средств, производимых в этой стране, — в 25 млрд. долл.

Сложно определить, как долго Афганистану придется жить в таком состоянии. Пришествие американцев в эту страну не завершилось ее умиротворением. Восстановление автомобильных дорог и прокладка железных дорог и трубопроводов (эти проекты давно готово финансировать мировое сообщество) пока невозможны, так как безопасность строителей и сохранность материалов еще не может быть обеспечена. Прикрываясь наркотрафиком из Афганистана, свою нишу в производстве наркотиков и наркобизнесе находят преступные сообщества из Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана.

Долгие годы нестабильный, раздираемый внутренними противоречиями Афганистан мешал транспортному рывку своих северных соседей на юг, а южных — на север. Теперь эта нестабильность шаг за шагом преодолевается, и уже можно планировать и прокладывать по афганской земле железные дороги, а также трубопроводы, по которым нефть и газ каспийских месторождений должны поступить в Пакистан, в Индию. 30 августа 2004 г. британская радиовещательная корпорация

Би-Би-Си объявила о начале строительства железной дороги Термез — Мазари-Шариф — Герат (Афганистан) с доведением ее в скором будущем до иранских портов Персидского залива Бендер-Аббас и Чорбахор. Этого события в соседнем Узбекистане ждали давно.

Заметным во всех отношениях становится присутствие в Центральной Азии и на Южном Кавказе Соединенных Штатов Америки. Эта страна, как «победившая» в холодной войне, с момента дезинтеграции СССР сочла своей обязанностью взять под свою опеку вновь образовавшиеся государства, попутно обучая их основам демократии и рыночных отношений.

К сожалению, эта опека не предотвратила ни таджикских межклановых конфликтов, ни армяно-азербайджанской войны из-за Нагорного Карабаха, ни внутригрузинских этнических конфликтов.

Пока США не предложили большие экономические проекты и значительные инвестиции, но уже обозначили свой практический интерес к крупнейшим нефтяным месторождениям Казахстана и Азербайджана, к золоту и урану пустыни Кызылкум, которые добывает Навоййский горно-металлургический комбинат, к другим перспективным месторождениям полезных ископаемых.

Оправившись от шока, вызванного атаками террористов на Нью-Йорк и Вашингтон, Соединенные Штаты взяли на себя роль мирового лидера по искоренению терроризма везде, где он пустил корни. Страны Центральной Азии и Кавказа заверили их в полной своей поддержке и в готовности оказать практическую помощь.

Такая помощь выразилась в предоставлении Узбекистаном и Кыргызстаном военно-воздушных баз, а также всеми странами региона и Россией — транспортных коридоров для обеспечения доступа американской армии к опорным пунктам террористов в Афганистане. Грузия, Азербайджан и Узбекистан выразили желание вступить в НАТО, чему противится Россия. Она добилась резкого усиления антитеррористической направленности деятельности Шанхайской организации сотрудничества¹.

Сегодня в мире международный терроризм с глубокими исламскими корнями — возмутитель спокойствия номер один, на его счету кровавые события 11 сентября 2001 г. в Америке, страшные по своим

¹ Барков А. В. Шанхайская организация сотрудничества. // Московский журнал международного права. 2003. №1. С. 262–271.

последствиям акты в России, Турции, Испании, Ираке, поддержка чеченских боевиков. Не случайно международный терроризм, возвращенный на палестино-израильском, а затем на албано-сербском и чеченско-российском противостоянии, дерзко поднявший голову на рубеже тысячелетий, избрал своей идеологической опорой экстремистские (ваххабистское, в частности) течения ислама¹.

Конечная цель геополитики ислама в понимании идеолога его экстремистского направления С. А. Маудуди сформулирована в его книге «Джихад в исламе»: «Ислам стремится разрушить все государства и правительства, где бы они ни находились на Земле, которые сопротивляются идеологии и программе ислама. Ислам стремится завладеть всей землей, всей планетой». И пусть миллионы и миллионы мусульман в своей повседневной жизни не только не руководствуются этой целью, но совершенно ее не разделяют, у Маудуди, у Бен Ладена достаточно фанатичных последователей, которые после соответствующей подготовки захватывают пассажирские самолеты и направляют их, полные пассажиров, на нью-йоркские небоскребы или, опоясав свое тело взрывчаткой, взрывают себя в автобусах, электричках и магазинах вместе с десятками «неверных».

По мнению российского эксперта С. А. Модестова, ведущую роль в выработке и реализации геополитических концепций ислама играет Саудовская Аравия, на словах отрекшаяся от международного террориста номер один, своего соотечественника Бен Ладена, а на деле глубоко ему сочувствующая и тысячами нитей с ним связанная².

Итак, необходимые Центральной Азии транспортные пути на запад, к портам Черного и Средиземного морей, на восток, к портам Желтого и Южно-Китайского морей, на юг, к портам Персидского и Бенгальского заливов сегодня задействованы, но пока не насыщены грузами в желаемом объеме. Тем не менее, это уже самым положительным образом сказывается на суверенитете стран региона. Вскоре Центральная Азия получит второй железнодорожный выход в Китай.

Транспортные выходы стран Центральной Азии в Китай, Иран и Турцию и к грузинским черноморским портам, осуществленные за годы их независимости, резко расширили как возможности их оптимального маневра в направлении экспортных и импортных грузопотоков, так и

¹ См. Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003.

² Модестов С. А. Геополитика ислама. М; 2003.

возможности для эффективного международного транзита. Практически сегодня не задействованы маршруты только через Афганистан.

Трубопроводная сеть Центральной Азии сегодня состоит из газопроводов, поставляющих туркменский и узбекский природный газ на север (магистрالی Бухара — Урал и Средняя Азия — Центр) и в страны региона, а также из нефтепроводов, поставляющих казахскую нефть из Тенгиза в Центральную Россию и в Новороссийск¹. Активное сотрудничество российского «Газпрома» с газовиками Туркменистана и Узбекистана следует рассматривать как серьезное подспорье «Газпрому» и России в освоении европейских рынков, поскольку российского газа «Газпрому» становится уже недостаточно. Живой интерес к туркменскому газу и нефти проявляют Пакистан и Индия. Туда будут вскоре проложены трубопроводы, скорее всего, через афганскую территорию.

Восстановление Шелкового пути объективно усиливает интеграционные процессы как между странами-соседами, через территорию которых этот путь проходит, так и между этими странами и остальным миром. В результате такого направления сотрудничества в большом выигрыше оказались как страны Центральной Азии, получившие прямой выход к Тихому и Индийскому океанам, так и Китай, открывший прямое сообщение со странами Центральной Азии, Кавказа и Персидского залива. Несомненный выигрыш получили Иран, развивающий транзит в северном и северо-восточном направлении, Турция и, конечно, Европа, чья роль не так заметна, но делает ее главным дирижером в осуществлении проекта Великого шелкового пути.

Евразия и ее сердце — Центральная Азия, являясь важнейшим геостратегическим регионом, сегодня консолидируют программы экономического, политического, информационно-культурного и военного сотрудничества по линиям Восток — Запад, Юг — Запад.

¹ Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М. Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 153.

Глава 2 · ИЗ ГЛУБИНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Шелковый путь в истории Востока

Ярким символом связей между Востоком и Западом, уходящих в глубь веков, можно назвать Великий шелковый путь. Возникновение этой трансконтинентальной дороги стало логическим продолжением торговых, культурных и духовных контактов, существовавших тысячелетиями ранее.

Еще первые цивилизации и ранние государственные объединения, возникавшие в эпоху энеолита и бронзы, стремились к расширению занимаемого ими пространства. В их состав включаются крито-микенская, египетская, месопотамская, луристанская территории, культуры Закавказья и Северного Кавказа, намазгинская — на юге Средней Азии, хараппские долины Инда, иньская цивилизация Китая¹. Торговые операции в это время осуществлялись на территориях протяженностью в несколько тыс. км. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования ученых.

Города-государства («номы»), созданные шумерами и древними египтянами около 3300 г. до н.э., развивали широкие торговые связи и проводили колонизационную политику в отношении соседей, в частности, Элама, который также расширял сферу своего влияния. Это подтверждают находки археологов в поселениях за тысячи километров на северо-запад от самого Элама. Поток культурных влияний шел на юг и юго-запад из Южного Туркменистана, где существовала высокоразвитая культура Намазга. Изделия ее древних мастеров обнаружены в Шахри-Сохта на границе с Афганистаном, в поселениях Ношаро и Сибири в Пакистане².

¹ Ртвеладзе Э. Великий шелковый путь. / Энциклопедический справочник. Древность и раннее средневековье. Ташкент, 1999. С. 12-15.

² Херрманн Й., Цюрех Э. (Отв. ред.) История человечества. Т. II. М., 2003. С. 33–40.